

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

12.2

3 выпуска в год на многих языках

Социология говорит со
Шрути Маджамдар

Себастиан Гайегийос

Заметки о войне в
Украине

Сари Ханафи

Теории
капитализма

Уильям И. Робинсон
Патрисия Вентричи
Эстебан Торрес
Фабрисо Масиэль

Современные проблемы
высшего образования

Йоханна Грубнер
Стефани Росс
Ларри Савидж
Ка Хо Мок
Элизабет Балбачевски
Юсеф Вагхид

Теоретические
подходы

Майкл Буравой

Социология
Турции

Н. Берил Озер Текин
Эш Телсерен
Дикле Койлан
Озкан Озтюрк
Илькнур Хасисофтаоглу

Открытый раздел

- > От суперглобализации к устойчивой кооперации
- > Объект мирового наследия ЮНЕСКО завод в Фёльклингене
- > Карл Поланьи о правом популизме
- > Уроки из рассказов преступников, совершивших убийство
- > Платформенная работа по доставке в Бразилии

ЖУРНАЛ

International
Sociological
Association
isa

ТОМ 12 / ВЫПУСК 2 / АВГУСТ 2022
<https://globaldialogue.isa-sociology.org/>

ГД

> От редакции

В этом номере *Глобального диалога* в разделе «Социология говорит» опубликовано интервью с социологом из Индии, Шрути Маджамдар, которая является экспертом по гендерному насилию в трастовом фонде ООН, целью деятельности которого является прекращение насилия против женщин. Опираясь на опыт своей работы, она объясняет Себастьяну Гайегийосу, как социологический взгляд помогает ей работать с международными организациями, и дает советы социологам, заинтересованным в сочетании исследований и практики развития на международной арене.

После того, как более шести месяцев назад началась война против Украины, мы наблюдаем глубокие изменения международных отношений и политики. В этом номере *Глобальный диалог* начинает обсуждение этой ситуации, предлагая президенту МСА Сари Хан-афи взглянуть на прошедшие десятилетия, на разрушительные войны во многих странах мира и проанализировать геополитические последствия того перелома, который совершила военная агрессия России.

Первый симпозиум обсуждает теории капитализма, представляя большой спектр подходов и определений современных капиталистических обществ. Патрисия Вентричи исследует связь между технологическими изменениями, прекаризацией и юнионизацией. Эстебан Торрес в своей теории капитализма использует понятие мирового общественного порядка и процесса становления всемирного общества, чтобы объяснить возрастающую сложность глобальных структур. На примере бразильского общества Фабрицио Масиэль показывает, что рост авторитаризма и правых движений объясняется не только прекарностью, но также деградацией и оскорблением чувства собственного достоинства, которое переживают индивиды и социальные группы. Уильям И. Робинсон показывает, как на глобальном уровне происходит эволюция географической стратификации между центром и периферией и происходит медленный глобальный сдвиг в сторону роста неравенства на страновом уровне.

С начала 1990х годов институции высшего образования переживали неолиберальное реструктурирование публичного сектора и растущей маркетизации. Статьи второго симпозиума, подготовленного Йоханной Грубнер, исследуют эти трансформации в различных частях света. Стефани Росс и Ларри Савидж анализируют такие эф-

фекты неолиберализации высшего образования, как коммодификация и реорганизация режимов работы. Ка Хо Мок рассматривает возможности занятости для выпускников в свете массовизации высшего образования в Восточной Азии и конкурентного рынка труда. Элизабет Балбачевски обсуждает проблемы университетов в условиях неопопулистских режимов и показывает, как в бразильских университетах полуавтономный режим принятия решений помогает обеспечить стабильность университетов. Юзеф Вагхид критически обсуждает тренд удаленного обучения, который усилился благодаря пандемии COVID-19, и предлагает реструктурировать университеты (Южной) Африки на основании африканской этики Убунту. Он считает, что университеты должны быть автономными, сохранять связь с сообществом и обладать авторитетом.

Теоретический раздел посвящен рефлексиям о капитализме. Михаил Буравой представляет понятие реальной утопии Эрика Олина Райта и обсуждает его связи с мыслями Карла Маркса и Карла Поланьи. Показывая преимущества сочетания этих трех подходов он, однако, указывает на их общий недостаток. «Кто станет коллективным актором, спасающим человечество от капитализма? Это вопрос, на который не дают ответа Маркс, Поланьи и Райт. На него предстоит ответить новым поколениям».

В этом номере мы фокусируем внимание на социологии из Турции. Ряд статей, собранных Н. Берил Озер Текин, охватывает многообразие тем, включая гендерное неравенство и изменение повседневных практик баланса работы и семьи у белых воротничков в период пандемии, влияние пандемии на старшие поколения и политику турецкого государства в отношении разрушения окружающей среды.

В «Открытом разделе» статья Ханса-Юргена Урбана и серия фотографий, любезно предоставленная Глобальному Диалогу, проливают свет на промышленное развитие, а Бруна да Пенха и Ана Беатриз Буэно анализируют работу доставки, организованной цифровыми платформами. В этом разделе также опубликованы статьи, посвященные представлениям Карла Поланьи об истоках правого популизма и социологические рефлексии о людях, совершивших убийства. ■

Бригитт Ауленбахер и Клаус Дерре,
редакторы *Глобального Диалога*

> *Глобальный диалог* публикуется на множестве языков на своем [вебсайте](https://globaldialogue.isa.org).

> Статьи присылайте на адрес: globaldialogue.isa@gmail.com.

isa International
Sociological
Association

**GLOBAL
DIALOGUE**

> Редакторский совет

Редакторы: Бригитте Ауленбахер, Клаус Дёрре.

Заместители редакторов: Рафаэль Деиндль, Йоханна Грубнер, Валид Ибрахим.

Младший редактор: Апарна Сундар.

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Консультант: Майкл Буравой.

Медиаконсультант: Хуан Лехаррага.

Редакторы-консультанты:

Сари Ханафи, Джеффри Плейерс, Филомин Гутьеррес, Элоиза Мартин, Савако Ширахасэ, Изабела Барлинска, Това Бенски, Чи-Чжоу Джей Чэнь, Ян Фритц, Коичи Хасэгава, Хироши Ишида, Грэйс Кхуноу, Эллисон Локонто, Сьюзен МакДэниел, Элина Оинас, Лаура Озо Казас, Бандана Пуркаяста, Рода Реддок, Мунир Сайдани, Айше Сактанбер, Сели Скалон, Назанин Шахрокни.

Региональные редакторы

Арабский мир: (Тунис) Мунир Сайдани, Фатима Разуани, (Ливан) Сари Ханафи.

Аргентина: Магдалена Лемус, Хуан Парсио, Данте Маркиссио.

Бангладеш: Хабибул Хондкер, Хайрул Чаудури, Фатема Резина Икбаль, Хеляль Мохиддин, Мумита Танджила, Бижой Кришна Баник, Сабина Шармин, Абдур Рашид, М. Омар Фарук, Мохаммед Джахирул Ислам, Саркер Сохель Рана, Мд. Сахидул Ислам, А.Б.М. Наждмус Сакиб, Эашрат Джахан Ейемун, Хеляль Уддин, Масудур Рахман, Шамсул Арефин, Ясмин Султана, Сика Парвин, Рума Парвин, Салех Аль Мамун, Экрамжоль Кабир Рана, Шармин Актер Шапла, Мд. Шахин Актар.

Бразилия: Густаво Танигути, Анжело Мартинс Жуниор, Андреса Гальи, Дмитри Сербонсини Фернандес, Густаво Диас, Жозе Жирадо Нето, Жессика Мазини Мендес.

Индия: Рашми Джайн, Маниш Ядав, Ракеш Рана.

Индонезия: Хари Нугрохо, Лусия Ратих Кусумадеви, Фина Итрия, Индера Ратна Иравати Паттинасарани, Бенедиктус Хари Джулаван, Мохаммад Шохибуддин, Домингус Эльсид Ли, Антониус Арио Сето Харджана, Диана Тереза Пакаси, Нуруль Аини, Гегер Риянто, Адитья прадана Седиати.

Иран: Рейханех Джавади, Нияеш Долати, Сайед Мухаммад Муталлеби, Эльхам Шуштаризаде.

Казахстан: Айгуль Забирова, Баян Смагамбет, Адиль Родионов, Алмаш Тлеспеева, Куаныш Тель, Алмагуль Мусина, Акнур Иманкул, Мадьяр Альдыяров.

Польша: Урсула Ярецка, Джоанна Беднарек, Марта Блашчинска, Анна Тёрнер, Александра Бернацка.

Россия: Елена Здравомыслова, Дарья Холодова.

Румыния: Ралука Попеску, Раиса-Габриэла Замфиреску, Ирина Елена Ион, Бьянка Михайле, Алина Александра Ницойу, Руксанджра Падурару, Ана-Мария Ренцеа, Мария Власчану.

Taiwan: Вань-Цзюй Ли, Тао-Юн Люй, Ю-Вен Ляо, По-Шун Хон, Йи-Шуо Хуан, Чиен-Йин Шиен, Ю-Чиа Чен, Марк Йи-вэй Лай, Юн-Жу Лин, Юн-Суан Чоу.

Турция: Гюль Чорбаджоглу, Ирмак Эврен.

Франция/Испания: Лола Бусуттил.

Этот симпозиум обсуждает **современные теории капитализма**, концептуализируя такие темы, как класс, цифровизация и социальное неравенство.

Статьи этого симпозиума посвящены **вызовам, перед которыми стоит сегодня высшее образование**. В них анализируется трансформация этой системы и ее последствия в различных контекстах.

В этом номере мы представляем такие различные сферы изучения **турецкой социологии**, как гендер, технологии и исследования окружающей среды.

Глобальный Диалог выходит благодаря щедрому гранту **SAGE Publications**

> В этом номере

От редакции 2

> СОЦИОЛОГИЯ ГОВОРИТ

Социология в противодействии насилию
в отношении женщин. Интервью со Шрути Маджамдар.
Себастьян Гайегийос, США 5

> ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ В УКРАИНЕ

Украина, имперская парадигма Путина и Евро-Америка
Сари Ханафи, Ливан 8

> ТЕОРИИ КАПИТАЛИЗМА

Капитализм и глобальное неравенство
Уильям И. Робинсон, США 10

Платформный капитализм в Латинской Америке
Патрисия Вентричи, Аргентина 12

Интеркапиталистическая система: молекулярные
и органические классы
Эстебан Торрес, Аргентина 14

Недостойный капитализм
Фабрисо Масиэль, Германия 16

> СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Неолиберализация, маркетизация и прекаризация
в высшем образовании
Йоханна Грубнер, Австрия 18

Неолиберализация в постпандемическом
высшем образовании
Стефани Росс и Ларри Савидж, Канада 19

Высшее образование и занятость: тренды Восточной Азии
Ка Хо Мок, Гонконг 21

Устойчивость бразильских университетов
в условиях популистского режима
Элизабет Балбачевски, Бразилия 24

О возможности Университета Убунту
Юзеф Вагхид, Южная Африка 26

> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Необходимость реальных утопий
Майкл Буравой, США 28

> СОЦИОЛОГИЯ ИЗ ТУРЦИИ

Турецкая социология: вызовы и возможности
Н. Берил Озер Текин, Турция 31

Гендерное не/равенство и феминизм в Турции
Эш Телсерен, Догус Университет, Турция 32

COVID-19 и потребительские практики
среднего класса в Турции
Дикле Койлан, Турция 34

Социология окружающей среды в Турции
Озкан Озтюрк, Турция 36

Женщины в турецких идеологических противостояниях
Илкнур Хасисофтаоглу, Турция 38

Пандемия и «цифровые иммигранты» в Турции
Н. Берил Озер Текин, Турция 40

> ОТКРЫТЫЙ РАЗДЕЛ

Как перейти от сверхглобализации к устойчивому
сотрудничеству?
Ханс-Юрген Урбан, Германия 42

Природа возвращается: объект мирового наследия ЮНЕСКО
Металлургический завод в Фёльклингене
Макс Ауленбахер, Германия 44

Зачем смотреть вверх? Карл Полаanyi о правом «популизме»
Санг Хун Лим, Южная Корея 47

Что мы узнаем из рассказов преступников,
совершивших убийство?
Мартин Хернен Ди Марко, Норвегия 49

Платформенная работа по доставке в Бразилии
Бруна да Пенха и Ана Беатриз Буэно, Бразилия 51

**“Я советую молодым социологам читать литературу разных дисциплин,
посвященную как теории, так и практике. И не надо бояться ставить
большие вопросы”**

Шрути Маджамдар

> СОЦИОЛОГИЯ

в противодействии насилию в отношении женщин

Интервью со Шрути Маджамдар

Шрути Маджамдар в настоящее время является программным менеджером проектов, целью которых является прекращение насилия в отношении женщин; она работает в офисе ООН в Афганистане. Более десяти лет она работала в проектах Мирового Банка и ООН на пересечении управления программами и исследованиями, направленными на усиление позиции женщин в таких странах, как Индия, Бангладеш, Сербия, Иордан и Узбекистан. Шрути защитила МА и PhD по социологии в Университете Брауна; она закончила бакалавриат по социологии в Колледже Леди Шри Рам Университета Дели.

Интервьюер – **Себастьян Гайегийос**, аспирант Колледжа Уголовной Юстиции имени Джона Джея (CUNY), где он ранее защитил магистерскую диссертацию по международному праву. Он является молодежным представителем Международной социологической ассоциации в ООН и научным сотрудником Центра исследований уголовного права Университета Талька в Чили. Его исследовательские интересы включают сравнительную криминологию, социальные медиа и преступность, альтернативы тюремному заключению.

СГ: Расскажите, пожалуйста, чем Вы сейчас занимаетесь в ООН? Как давно Вы работаете на этой позиции и каковы Ваши основные обязанности?

СМ: С 2018 года я работаю в трастовом фонде ООН по борьбе с насилием против женщин в рамках программы «[Женщины ООН](#)». Мы инвестируем в поддержку организаций гражданского общества во всем мире, которые борются за уничтожение насилия против женщин. Трастовому фонду уже 25 лет, и он имеет длительную историю сотрудничества с организациями, защищающими права женщин и женскими движениями. Только в 2020 году мы поддержали 150 проектов НГО в 71 стране и территории. Эти проекты были адресованы таким различным проблемам, как поддержка жертв насилия, продвижение и исполнение законов, программ и планов действия по борьбе с насилием в отношении женщин; предотвращение и искоренение насилия, в основании которого лежит гендерное неравенство и иные структурные причины.

Я занимаю должность специалиста по мониторингу и эвалюации проектов. Моя работа в целом состоит из двух частей. Во-первых, я напрямую работаю с организациями гражданского общества, чтобы они научились проводить исследования и оценку своей деятельности, и сделали эмпирические данные основанием для своей деятельности. Я помогаю им использовать наиболее подходящую этически выверенную и надежную методологию для измерения эффекта программ в жизни общества. Вторая основная сторона моей работы заключается в том, чтобы усилить исследовательский потенциал и социальный эффект борьбы с насилием против женщин в самой программе «Женщины ООН». Это очень значимая задача, поскольку насилие в отношении женщин и девочек является крайне насущной мировой проблемой – [каждая третья женщина в мире имеет опыт физического и сексуального насилия](#). Эта цифра остается неизменной в течение всего последнего десятилетия. В то же время мы знаем, что насилие можно предотвратить, и мы знаем это от сотрудников организаций, которые рабо-

>>

тали с этой проблемой в течение нескольких десятилетий. Я принимаю участие в подготовке исследовательских заявок и совместном производстве знания вместе с НГО. Такие исследования получают фидбек в поддержке этих организаций. Короче говоря, моя работа предполагает постоянное перемещение между социологическим исследованием и практикой развития – и это мне очень нравится.

СГ: Вы много лет изучали социологию в различных университетах. Вы закончили бакалавриат, магистратуру и защитили PhD по этой дисциплине. Как Вы применяете социологические знания и навыки, работая в программе ООН по защите прав женщин?

ШМ: Да, я почти 10 лет изучала социологию, и я до сих пор учусь этой дисциплине! Я закончила бакалавриат в Университете Дели в начале 2000х годов. Как и многие молодые индийские социологи, я была вдохновлена работой М.Н. Сриниваса и его непоколебимой верой в дисциплину, ее инструменты и методы понимания мира, в котором мы живем, особенно в интерпретации социальной структуры и изменений. Я очень рано поняла, что хочу заниматься социологией и хочу использовать социологические инструменты для понимания реальных мировых проблем. Именно поэтому сразу после окончания бакалавриата я отправилась в США, чтобы защитить магистерскую диссертацию и PhD в Университете Брауна, который является прекрасным хабом социологии развития и междисциплинарной работы по изучению вызовов развития. В Брауне я стала интересоваться структурным насилием и общественными движениями; я стремилась понять, почему одни группы больше маргинализированы (или мобилизованы), чем другие, и почему это происходит в определенное время и в определенном месте. Кроме того, хотя я обучалась и качественным, и количественным методам, меня на самом деле привлекала хорошая этнография. Работая над диссертацией и на позиции социолога в Мировом Банке, я с удовольствием занималась этнографией масштабных проектов развития, реализуемых в Индии, Бангладеш, Сербии, Узбекистане, Иордане, Либерии и других странах.

Работая в ООН, я постоянно использую свои социологические навыки, т.к. социологический взгляд абсолютно необходим для работы с насилием в отношении женщин: для диагностики оснований этой проблемы, т.е. для выяснения структур и норм, поддерживающих насилие. Социология нужна для создания контекстуально релевантных проектов, реализуемых совместно с правительствами и НГО, при оценке эффективности этих проектов и выявлении факторов, способствующих успеху. По этой [ссылке](#) вы можете найти мои последние работы – это ряд докладов, написанных совместно с практиками и социальными исследователями на трех языках. Все эти тексты посвящены предотвращению насилия в отношении девочек и женщин, а также решениям этой проблемы, которые можно считать наиболее успешными. В этих текстах представлен первый в своем роде систематический обзор исследований, проведенных количественными, качественными и смешанными методами, которые посвящены ответам на следующие сложные вопросы. Каковы интерсекциональные уязвимости и причины, по которым

некоторые женщины и девочки с большей вероятностью переживают опыт насилия, чем другие? Как сообщества могут помешать насилию? Кто сопротивляется и мешает организациям гражданского общества в их борьбе с насилием? Как адаптировать стратегии для продолжения работы в ухудшающихся условиях? Это поле деятельности все еще преимущественно является ареной для экономистов, работающих в сфере общественного здоровья, и поэтому ключевым является вопрос о том, что может прекратить насилие. Этот подход должен быть дополнен социологическими исследованиями того, как и почему происходят определенные вещи. Исследования стигматизации, власти и структурного насилия показывают, что необходимо разрабатывать долгосрочные, холистические и устойчивые решения этой проблемы.

СГ: Как Вы думаете, с какими вызовами могут столкнуться социологи, работая в международных организациях? Как Вы сами отвечаете на эти вызовы?

ШМ: На мой взгляд, тут уместнее говорить о возможностях, а не о вызовах! Социологи занимаются перспективным анализом, они могут разрабатывать дизайны программ развития и предлагать модели их оценки; в целом существует множество возможностей плодотворного междисциплинарного взаимодействия. Тем не менее, я могу назвать несколько проблем, с которыми сталкиваются все исследователи и несколько специфических вызовов, характерных для социологической работы. Вызовы связаны не только с пересечением дисциплинарных границ, но и границ между исследованиями и практикой развития. Иными словами, вопрос заключается в том, чтобы эффективно применить социологическую теорию на практике, а затем, наоборот, использовать практику для обогащения теории. Задача заключается в том, что создавать более широкое пространство диалога между исследованиями и практикой.

Как правило, исследования и практика подчиняются разным ритмам; очень важно найти способы построения эффективного диалога, чтобы совместно разработать решения проблем, основанные на потребностях жертв насилия, девочек и женщин, находящихся в ситуации риска. Нужно чтобы проводилось больше актуальных исследований, выявляющих типы проблем, с которыми каждый день сталкиваются гражданское общество и правительства, и теоретически осмысливать их. Мне посчастливилось работать в исследовательской команде Мирового Банка в проекте «[Социальная обсерватория](#)», посвященном актуальным проблемам насилия в Восточной Азии. Совершенно необходимо, чтобы мы знали и документировали повседневные практики с помощью организаций гражданского общества, особенно женских правозащитных организаций, которые десятилетиями работают на переднем фронте проблемы и которые сталкиваются со сложностями документации своей работы; необходимо позволить этим практикам внести свой вклад в развитие теории.

Второй вызов, с которым сталкиваются социологи, заключается в том, чтобы использовать строгое этнографическое исследование как основание для переосмысления проектов развития. Несколько лет назад газета The New

York Times опубликовала прекрасную умную статью под названием «[What if Sociologists had as Much Influence as Economists?](#)» [Что если бы социологи имели такое же влияние, как экономисты?] В этой статье Мишель Ламонт утверждает, что слишком часто вопросы, которые ставят проекты, адресованы экономистам; Если бы в проектах участвовало больше социологов, то и вопросы постепенно изменились бы. Социологи задают вопросы о том, как и почему проекты гражданского общества и правительственные программы оказывают влияние на социальные системы и структуры.

СГ: Какие политики продвижения прав женщин во время пандемии использует ООН? Какие вопросы не получили достаточного внимания, на Ваш взгляд?

ШМ: Пандемия и последующие локдауны во всех странах мира привели к заметному росту различных форм насилия, в особенности насилия в интимных отношениях с партнером, сексуального насилия, сексуальных домогательств онлайн и в некоторых регионах даже таких вредоносных традиционных практик, как генитальное обрезание и принудительный детский брак. Во время локдаунов большее число женщин оказалось запертым в одном пространстве с обидчиком и не могли воспользоваться помощью. В трастовом фонде ООН в сотрудничестве с многими организациями гражданского общества я постоянно пишу об этих тенденциях, чтобы привлечь внимание политиков и доноров. В условиях, когда локдауны продолжаются неопределенное время или вводятся повторно, организации гражданского общества во всем мире уподобляют ситуацию затяжному кризису и стремятся быть готовыми к чрезвычайному положению и укрепить свою устойчивость. Чтобы укрепить свою способность к адаптации, НГО, особенно небольшие и грассрутные организации, нуждаются в гибкости и в основном финансировании – на зарплаты, страховки, коммуникации и транспортные расходы. Локдаун чрезвычайно ослабил организации гражданского общества и угрожает их выживанию. Некоторые их площадки были использованы для тестирования на COVID-19; их шелтеры и персонал перегружены работой; некоторые вынуждены закрыть свои офисы, провести сокращения и уволить сотрудников именно сейчас, когда они особенно нужны. Сотрудники нужны, потому что женщины, пострадавшие от насилия, продолжают обращаться в местные правозащитные организации и локальные структуры помощи с помощью WhatsApp, социальных медиа, линий помощи. Они также непосредственно обращаются в местные шелтеры, к лидерам групп самопомощи, сотрудникам сферы здравоохранения, лидерам религиозного сообщества, консультантам и адвокатам.

В этом контексте организационная структура «Женщины ООН» старается поддерживать гражданское общество, обеспечивать НГО дополнительными ресурсами и предоставлять гибкое финансирование. В настоящее время эти организации оказываются на переднем крае, они располагают большим количеством документированных данных, и потому мы многому можем научиться у них. Мы должны содействовать тому, чтобы политики и исследователи прислушивались к ним и работали вместе с ними, чтобы анализировать эти данные и действовать на их основе. Ко-

роче, голоса выживших и грассрутные организации гражданского общества должны стать основанием для политики прекращения насилия против девочек и женщин, должны быть локализованы и опираться на собранные данные.

СГ: И, наконец, какой совет вы дадите молодым социологам и социальным ученым, которые начинают карьеру в международном поле? Можете ли вы поделиться информацией или рекомендовать какое-то место, где есть вероятность найти работу?

ШМ: Я бы посоветовала читать литературу многих дисциплин, как теоретическую, так и практическую. Не бояться задавать большие вопросы! Социологи способны теоретически и критически участвовать в практиках развития с помощью своего теоретического знания и методологических инструментов полевой работы. Опыт пандемии COVID-19 выявил хрупкость прогресса в отношении гендерного равенства и масштаб сохраняющихся проблем. Мы сейчас находимся на критическом перепутье, когда наступает полное признание того, что необходимы трансформативные подходы, которые обеспечат глубокие и продолжительные изменения в структуре власти в разных сферах жизни. Мы должны создавать более холистические программы, которые четко позиционируют патриархат и глубоко укорененное гендерное неравенство как вызов, который необходимо преодолеть. Мы должны спросить, какие системы, идеологии и институты создают, воплощают и увековечивают патриархат? Как мы можем трансформировать эти механизмы в конкретных контекстах в конкретные времена? Я убеждена, что социологи могут помочь выполнить эту задачу, как в исследованиях, так и на практике.

Я также считаю, что начинающие карьеру молодые социологи должны получить как можно больше полевого опыта. Работа в национальных программах ООН поможет получить реальное знание о комплексных вызовах развития. Список позиций можно посмотреть на сайте ООН [UN careers website](#). Кроме того, хотя очень важно осознавать вызовы развития, необходимо также быть в курсе передовых исследований в этой сфере, особенно если вы планируете делать и то, и другое! В этом отношении очень важно учиться у социологов, работающих в других организациях (в MCA). Это чрезвычайно плодотворная платформа для того, чтобы быть в курсе происходящего, распространять результаты ваших исследований и организовывать совместные проекты.

И, наконец, без колебаний обращайтесь к социологам, которые одновременно являются практиками и исследователями. Я поняла на своем опыте, что общение с выпускниками аспирантуры позволило мне более глубоко понять природу моей работы. Они до сих пор являются частью моей системы поддержки, помогая найти путь в сложном постоянно меняющемся поле исследований. ■

Адрес для связи: [<shruti.majumdar@gmail.com>](mailto:shruti.majumdar@gmail.com)

1. [United Nations Women \(2020\). Voices from the ground: Impact of COVID-19 on violence against women](#) [ООН-женщины (2020). Голоса снизу: влияние COVID-19 на насилие над женщинами].

> Украина, имперская парадигма Путина и Евро-Америка

Сари Ханафи, Американский университет Бейрута, Ливан, Президент МСА (2018-2023)

Авт.: Pixabay/Creative Commons License.

Преступное вторжение России в Украину, которое шокировало весь мир, – война особого рода. Она отличается от многих военных конфликтов, потому что способна превратиться в Третью мировую войну и, в особенности, потому что может стать ядерной войной. Восточное расширение НАТО можно назвать провокацией, или тем, что палестинский философ Азми Бишара (2022) назвал «решимостью не избегать пути войны». Однако эти действия никоим образом не оправдывают этого кровавого вторжения и одностороннего удара по суверенитету другой страны. В начале войны Международная социологическая ассоциация (МСА) опубликовала заявление¹, где выразила глубокую обеспокоенность Российским военным вторжением в Украину. Для МСА и для меня лично, война никогда не является допустимым решением и противостоит всем нашим ценностям. МСА выражает солидарность с украинскими социальными учеными и теми коллегами из других стран, в том числе из Российской Федерации и Беларуси, которые выражают свой протест войне и защищают демократию и права человека².

> Имперская парадигма Путина

Путинская Россия настойчиво подрывает либерально-демократические идеалы. Путин не только остается у власти фактически с 2000 г., но и активно ведет военные действия против любых попыток демократизации в других странах (Грузия, Сирия, Украина, и т.д.). Он практически имитировал американские односторонние акты демонстрации силы (напр., вторжение в Ирак), но разница в том, что иракский режим Саддама Хусейна действительно был диктаторским. Украина – это демократическая страна, хоть и глубоко разделенная по вопросу о вхождении в НАТО. Согласно последним опросам, более половины населения поддерживает вхождение Украины в ЕС, и только 40-50% высказываются за членство в НАТО (Bishara 2022). Такая амбивалентная позиция весьма мудра, поскольку учитывает патетику «великодержавного национализма» России, который основывается на трех основных столпах: российская идентичность, сфор-

мированная православной церковью и царями; славянская этничность (где Россия, Беларусь и Украина представляются как единое пространство), и, в меньшей степени, Евразия (величие России утверждается союзом с бывшими советскими республиками Центральной Азии и Китаем). Еще Маркс называл царскую Россию XIX в. бастионом реакции в Европе, и сегодня, несмотря на экономические успехи, Путинская популистская Россия снова играет эту печальную роль³. Я был свидетелем утверждения этой роли ранее – во время российской (и иранской) войны в Сирии, когда Россия демонстрировала могущество «огромного пространства» за пределами национального государства и «идентитарной демократии». Основанием такой проекции является мировоззрение, опирающееся на категории Карла Шмитта (Lewis 2020), пришедшие в путинскую (внутреннюю и имперскую) парадигму через работы российского философа Александра Дугина.

> Четыре урока

В этой статье я обсуждаю ситуацию не только как социолог, но и как человек, живущий на Ближнем Востоке. Я считаю, что из этой войны мы можем вынести четыре урока.

Во-первых, дискурс и практика евро-американских международных отношений организованы по правилам двойного стандарта. На Глобальном Юге, слова «сопротивление», «бойкот» и «солдаты-добровольцы» буквально запрещены, тогда как в описаниях войны в Украине они имеют позитивную коннотацию. Президент Израильского Социологического Общества Лев Гринберг⁴ прямо сформулировал эту мысль: «Как возможно, что Израиль уже 55 лет оккупирует палестинские территории, открыто нарушая международное право, и ни одна западная страна не наложила на него санкций?» С одной стороны, палестинское движение «Бойкот, изоляция и санкции» (BDS) в некоторых западных странах криминализовано. С другой стороны, многие европейские ученые призывают к тотальному институциональному и индивидуальному бойкоту российских ученых.

Во-вторых, возникает вопрос, почему жесткость войны в других частях света не вызвала таких же евро-американских реакций, как война в Украине? Как палестинец, выросший в Сирии, я могу представить свою жизнь по-разному. Одним из вариантов было бы описание моей жизни как череды региональных войн с очень короткими моментами мира: Арабо-израильские войны 1967 и 1973 гг., война Израиля на палестинских территориях – Вторая Интифада 2000-2005 гг., война Израиля с Газой в 2008, 2012, 2014, 2021 гг., израильские войны в Ливане в 1982 и 2006 гг., Ирако-иранская война 1980-1988 гг., вторжение в Кувейт в 1991 г., война в Ираке в 1991 и 2003 гг., война с Сирией с 2011 г. по настоя-

>>

щее время, продолжающаяся с 2014 г. война в Йемене и война в Ливии с 2014 по 2020 гг. Эти жестокие войны принесли массовое разрушение, страдания, насильственные переселения, и, наконец, смерть, в масштабах, куда больших, чем в Украине. На эти события западные державы реагировали и реагируют очень мягко, часто во имя стабильности и экономической выгоды поддерживая колониальную власть (Израиль) и диктаторов (Персидский залив и Египет).

В-третьих, некоторые критики постколониализма, изучающие исторический империализм или современный евро-американский неоколониализм, не замечают эффекта других зарождающихся империй и масштаба их жестокости в завоёвании подчиненных пространств. Россия, Иран, Израиль, Турция и монархии Персидского залива – очень важные империи, действующие на Ближнем Востоке; некоторые из их военных операций приносят колониализм, нищету и авторитаризм. В этом смысле очень полезен концепт «интер-имперскости» Лауры Дойль, так как он помогает осмыслить империи не только как появляющиеся одна за другой, но как действующие параллельно. «Взаимно производимая, контекстно зависимая и интерактивная политика современной имперской истории часто приводит к неожиданным и иногда ироничным результатам» (Doyle 2014). Таким образом, мультивекторная динамика ризоматических империй не только приводит к косвенным последствиям, но часто агрессивно интерактивна, носит институциональный характер и преследует стратегические цели.

В-четвертых, призыв к полному бойкоту россиян и белорусов в академии противоречит ценностям, которые продвигает научное сообщество. Я согласен с тем, что существуют моральные обязательства бойкотировать любую институцию, которая имеет отношение к колониальным или авторитарным властям. Однако эта политика не должна действовать на индивидуальном уровне. Необходимо поддерживать связь с вовлеченными людьми, прислушиваться к различным подходам к конфликту и способствовать открытому, активному диалогу. Это значит, что недостаточно просто поддерживать тех, кто придерживается либерально-демократических ценностей. Научное сообщество должно также внимательно слушать тех, кто частично или полностью отказывается принимать эти идеалы. Научное сообщество должно выступить в роли медиатора, выстраивая мосты между позициями и развивая аффективную, моральную и политическую стратегию. Я призываю развивать ситуативную критическую теорию в противовес радикальной критической социальной теории. Ситуативная критическая теория критикует власть, но в то же время способна вступать в диалог с теми силами, которые она критикует. Безусловно, академический дискурс должен придерживаться определенных правил интеллектуальной целостности и социальной ответственности. Эта ответственность ставит преграды пропаганде, провокациям, демонизации чужой культуры и языку ненависти, и делает академическую свободу более сложным инструментом, чем простая свобода высказывания, к которой ее часто сводят. Роль науки – освободить политику от ее шмиттовской концепции друга и врага, согласно которой высшая степень единения проявляется в готовности вместе сражаться и умирать, а высшая степень вражды – это готовность убивать членов другой группы. Я полностью согласен с позицией историка Амита Варшизки, который утверждает, что если политический либерализм хочет выжить, ему необходимо серьезно отнестись к идеям своих критиков, а не отвергать их с отвращением. Он напоминает нам о том, что писал после Второй мировой войны немецкий

философ Эрнст Кассирер: «Чтобы бороться с врагом, необходимо знать его. Это один из первых принципов хорошей стратегии. Знать его означает не только понимать его дефекты и слабости, это значит знать его силу. Мы все недооценили эту силу... Нам нужно тщательно изучить происхождение, структуру, методы и техники политических мифов. Мы должны видеть лицо противника, чтобы знать, как ему сопротивляться»⁵.

> Заключение: повышение уровня солидарности

Наконец, мы должны противостоять социальным страданиям, с помощью разума, ориентированного на нравственные принципы. Мы должны действовать на основе имманентного дара социальной любви, о котором писал Марсель Мосс, и создавать солидарность на разных уровнях – на уровне родства, соседства, нации и человечества в целом. Стремясь достичь высшей формы солидарности с человечеством и с тем, что Жан-Кристоф Хайлингер (2019) назвал «космополитическими обязательствами», мы должны признать, что европейская реакция на последствия войны в Украине открыто показывает уровень солидарности, который в большей степени основывается на общей иудео-христианской культуре и, в конечном итоге, националистических идентичностях, нежели на ценностях космополитизма. Я говорю об этом, чтобы нюансировать критику различий в отношении к беженцам, которая представлена в научных и медийных публикациях (включая социальные медиа). Комментаторы подчеркивают, что сирийских, афганских и африканских беженцев принимали в Европе совсем иначе, чем сейчас принимают беженцев из Украины. Необходимо также отметить, что эти различные моральные логики не поддаются упрощенным трактовкам, т.е. их нельзя объяснить отсылками к расовым аспектам или чистым расизмом.⁶ Имея все это в виду, западные ученые также должны быть готовы принимать культурное и религиозное родство между арабами или мусульманами и не должны систематически рассматривать его как опасное фанатическое чувство. ■

Адрес для связи: <sh41@aub.edu.lb>

Литература

- Bishara, A (2022) "Russia, Ukraine and NATO: Reflections on the Determination to Not Avoid the Road to War." [Россия, Украина и НАТО: рассуждения о решимости не избегать пути войны.] The Arab Center for Research and Policy Studies.
- Doyle, L (2014) "Inter-Imperiality: Dialectics in a Postcolonial World History." [Интеримперскость: диалектика постколониальной мировой истории.] *Interventions* 16(2): 159–96.
- Heilinger, J-C (2019) *Cosmopolitan Responsibility: Global Injustice, Relational Equality, and Individual*. [Космополитическая ответственность: глобальная несправедливость, относительное неравенство и индивид] Berlin ; Boston: de Gruyter.
- Lewis, DG (2020) *Russia's New Authoritarianism: Putin and the Politics of Order*. [Новый российский авторитаризм: Путин и политика порядка] First edition. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- <https://www.isa-sociology.org/en/about-isa/isa-human-rights-committee/isa-statement-on-the-russian-military-offensive-happening-in-ukraine>.
 - На сайте МСА опубликованы все институциональные [антивоенные заявления](#) (национальных ассоциаций, исследовательских комитетов, а также Украинской Социологической Ассоциации).
 - <https://litci.org/en/once-again-bastion-of-reaction/>.
 - <https://www.972mag.com/ukraine-lebanon-russia-israel/?fbclid=IwAR0Qq6eemWk0mPJfzjPQI5VAe0mCpHmYQKew7RwXH01vDjZ6LDxtts>.
 - <https://www.haaretz.com/world-news/.premium.HIGHLIGHT.MAGAZINE-to-understand-putin-you-first-need-to-get-inside-aleksandr-dugin-s-head-1.10682008>.
 - Несомненно, некоторые критические замечания вполне оправданы. См., например, статью Х.А. Хеллиер [Публикации западных медиа, посвященные Украине, пронизаны устойчивыми расистскими предубеждениями] <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/02/28/ukraine-coverage-media-racist-biases/>.

> Капитализм и глобальное неравенство

Уильям И. Робинсон, Университет Калифорнии, Санта-Барбара, США

Улица в одном из беднейших городских районов. Гана. Авт.: Jenna/
Flickr, Creative Commons License.

В 2018 г., согласно данным международного агентства по развитию Оксфам, 52% мирового богатства находилось в собственности одного процента самых богатых людей; 20% богатых были обладателями 95% мирового богатства, а оставшиеся 80% населения – подавляющее большинство человечества – вынуждены были довольствоваться пятью процентами. Если такое неравенство казалось поразительным в 2018г., то в дальнейшем оно только продолжало углубляться. Согласно отчету Оксфам за 2021 год, в первые шесть месяцев пандемии коронавируса, богатые люди мира увеличили свое состояние на умопомрачительные 10 трлн. долл.; при этом почти каждая страна мира столкнулась с ростом неравенства.

> Капиталистическая экспансия и неравное развитие

Радикальные социологи, которые изучают причины роста неравенства, отмечают, что, вопреки апологетам системы, выраженная социальная поляризация свойственна капитализму, потому что класс капиталистов владеет средствами производства и, следовательно, стремится присвоить в качестве прибыли как можно большую часть богатства, производимую обществом коллективно. Они также отмечают, что в течение пяти сотен лет своего существования капиталистическая система постоянно расширялась в поиске новых возможностей накопления капитала (чтобы максимизировать прибыль). Капита-

>>

лизм распространялся за пределы своего изначального хартленда в Западной Европе благодаря продолжающимся волнам колониализма, империализма и наиболее современной глобализации, и, в конце концов, захватил всю планету. К началу XX века не существовало государств или народов мира, которые бы оставались за пределами системы.

Социологи считают, что мировая капиталистическая система производит две взаимосвязанные формы неравенства. Одна форма - это неравенство *между людьми*, между богатыми и бедными людьми всего мира, рост которого представляет Оксфам в своих отчетах. Другая форма - это стратификация людей всего мира по критерию проживания в богатых и бедных странах, т.е. неравенство *между странами*. Согласно данным Всемирного Банка, средний годовой доход в Конго находится на уровне \$785 на душу населения, тогда как в Бельгии, стране, колонизировавшей Конго во второй половине XIX в., душевой доход в год находится на уровне \$47400. В академическом лексиконе принято говорить, что капитализм привел к поляризации мира, разделив его на ядро «Первого мира», куда входят страны Западной Европы, Северной Америки и Японии и периферию «Третьего мира», куда входят регионы Латинской Америки, Африки и Азии, которые пережили века колониализма и угнетения со стороны стран «ядра». В последние годы, ученые и эксперты стали называть бывший Третий мир Глобальным Югом, а бывший Первый мир - Глобальным Севером.

Основываясь на марксовом анализе капитализма и классических теориях империализма, развитых В.И. Лениным и его поколением социалистических революционеров, радикальные политические экономисты и исследователи международных отношений в период после Второй мировой войны разработали новые теории - концепции зависимости, мир-системы и субразвития. Они утверждают, что колониализм организовал мировую экономику таким образом, что богатство, произведенное на периферии, утекает обратно в ядро Глобального Севера, обогащает его и оставляет бедными периферические страны Глобального Юга. Таким образом, аккумуляция капитала в мировом пространстве происходит неравномерно и в результате некоторые народы становятся развитыми, а другие остаются субразвитыми (недоразвитыми - ЕЗ).

> **Меняющийся паттерн глобального неравенства**

Однако к концу века несколько новых тенденций поставили под вопрос такое простое разделение стран и народов мира. Во-первых, некоторые страны бывшего Третьего мира, особенно в Восточной Азии, прошли индустриализацию и вошли в такие клубы богатых стран, как Организация экономического сотрудничества и разви-

тия (ОЭСР). Во-вторых, даже в беднейших странах появились сильный капиталистический класс и значительный средний класс, которые интегрировались в глобальную культуру потребления. И в-третьих, в традиционно богатых странах, рабочий класс, который испытал рост благосостояния после Второй мировой войны, в результате недавней глобализации пережил быструю нисходящую мобильность, социо-экономическую дестабилизацию, и эрозию некогда комфортабельного уровня жизни - то, что некоторые социологи называют «отретьемириванием» рабочего класса.

Недавний отчет швейцарского банка UBS отмечает, что большинство миллиардеров мира проживают в США, но число сверхбогатых людей возрастает быстрее всего в Азии. В Китае, где сейчас проживает одна пятая часть всех миллиардеров мира, каждую неделю появляются два новых. Бразильские, мексиканские, саудовские, египетские и другие капиталисты, принадлежащие к тому, что я называю транснациональным капиталистическим классом, сейчас инвестируют триллионы долларов в глобальном экономическом. Как отмечено в одном из отчетов Форбс, быстрее всего в мире растет богатство у сверхбогатых людей бывших стран Третьего мира. Согласно этому отчету, «между 2012 и 2017 гг., клуб сверхбогатых в Бангладеш вырос на 17,3%». «В тот же самый период, число сверхбогатых людей в Китае увеличилось на 13,4%, а во Вьетнаме - на 12,7%. Кения и Индия показывают двузначный рост на 11,7% и 10,7% соответственно».

Основываясь на этих тенденциях, некоторые эксперты утверждают, что Глобальный Юг и Глобальный Север это не столько огромные географические регионы, сколько обозначения огромных транснациональных групп населения. С этой точки зрения, Глобальный Юг - это все обедневшие народы бывшего Третьего мира, а также бедные и исключенные люди, проживающие в богатых регионах мира, тогда как Глобальный Север - это центры власти и богатства, которые могут быть все еще непропорционально сконцентрированы в традиционно богатых странах, но также включает богатых и могущественных людей, проживающих в разных странах мира, которые поддерживают, управляют и пользуются центрами власти. Пока социологи продолжают обсуждать эти вопросы, ясно одно: с точки зрения социальной справедливости, необходимо радикальное перераспределение мирового богатства в пользу бедного большинства. Хотим мы того или нет, такое перераспределение требует столкновения с властью мировой капиталистической системы, т.е. с транснациональной корпоративной элитой, контролирующей глобальную экономику. Тот самый 1% человечества, о котором сообщает отчет Оксфам, будет сопротивляться любому вызову своему богатству и власти. ■

Адрес для связи: <w.i.robinson1@gmail.com>

> Платформенный капитализм в Латинской Америке

Патрисия Вентричи, Центр исследований трудовых отношений (CEIL-CONICET), Университет Буэнос-Айреса, Аргентина

Работник гиг-экономики в Уругвае. Сервисы доставки продуктов являются примером связи между цифровизацией и прекарностью.
Авт.: Ted McGrath/Flickr, Creative Commons.

Головокружительный экспонентальный рост технологических корпораций еще больше усилился после начала пандемии; этот процесс содействовал активному развитию платформного капитализма в Латинской Америке, а также подстегнул обсуждение процессов, связанных с капиталом, трудом и их мутациями на Глобальном Юге.

> Цифровая меритократия и «скачок в развитии»

В некоторых странах региона (Аргентина - один из таких примеров) произошла консолидация публичного дискурса, который поддерживает идею о том, что «экономика знания» создает историческую возможность совершить давно желаемый «скачок в развитии» и достичь нового места в между-

>>

народной расстановке сил. Способности некоторых стран региона – Аргентины, Бразилии, Мексики – создавать цифровые корпорации глобального масштаба (компании-единороги стоят на американском биржевом рынке более тысячи миллионов долларов) лежат в основе этих нарративов.

Однако такой качественный скачок мог бы произойти под руководством новой предпринимательской элиты, социализированной в калифорнийском духе, которая противостоит местной и традиционной олигархии, которая в основном связана с агробизнесом и, в меньшей мере, с некоторыми основными областями тяжелого капитализма. Это новая фракция молодых лидеров, по определению, ориентирована на глобальное и дух глобальности; ее родным языком является тот, который доминирует в международном общении. Эта элита позиционирует себя в контрасте с традиционной «национальной буржуазией», которая описывается как элита, полностью зависящая от государственных субсидий, избегающая конкуренции, провинциальная, консервативная, избыточно жесткая, а также слегка анахроничная.

Подобным образом благодаря волшебству цифровой меритократии в этих широтах, наконец, мог бы обосноваться дух шумпетеровской экономики, о котором многие так давно мечтают. Экосистема цифровой экономики представляет себя как преодоление старой ренто-ориентированной олигархии. Стартапы и единороги – это новые слова, обозначающие капиталистический прогресс, столь желаемый для наших периферийных стран.

> Двумириное будущее: цифровизация и прекарность

Однако, ускоренное, но все же начальное развитие такого типа бизнеса в регионе демонстрирует фрагментированную и противоречивую реальность. Материальной базой развития платформенной экономики является сращивание цифровизации и прекарности. Движение в сторону углубления такого социального дуализма становится очевидным и на уровне реконфигураций, которые цифровые платформы произвели в мире труда. В настоящее время в центре дебатов о «будущем работы» в регионе находятся два противоположных образа. С одной стороны, отмечается усложнение новых работ, связанных с компьютерной индустрией. С другой стороны, налицо гипер-прекаризация платформенных работников, которые работают по спросу через приложения (водители Uber, Glovo и Rappi, сфера домашних услуг и проч.). Первая группа работников находится на верхушке пирамиды; это высоко квалифицированные работники. Даже если их доходы не очень высоки, если подсчитать их в долларах, они наслаждаются привилегированными в локальных контекстах условиями труда. Это происходит, в основном, благодаря нехватке работников для таких рабочих мест (компьютерные инженеры, аналитики данных, системные аналитики). Дефицит работников является основной проблемой местных компаний, которые нуждаются в рабочей силе для расширения своего бизнеса. На другом конце спектра - крайняя нестабильность микро-рабочих мест, которая влечет за собой консолидацию модели дерегуляции и крайней гибкости трудовых отношений. В

таких странах, как Аргентина, эти тенденции приводят к незаметной деконструкции значительных исторических достижений в социальной защите работников. В тенденции развитие платформизации работы уверенно подготавливает почву для кристаллизации крайне высокого уровня неформальности ранка труда, где эти новые типы «независимых» рабочих мест являются новым феноменом.

> Эпохальная речь: предпринимательство

На уровне символических действий эти два столь далеких друг от друга в реальности аспекта новой работы связываются в единое целое дискурсом предпринимательства. Он представляет собой в основном символическое конструирование оснований существования новых корпораций, некий вариант официальной идеологии, наиболее эффективным воплощением, которой являются платформенные компании. Этот дискурс выдвигает вперед достойную фигуру гипер-индивидуализированного субъекта, создает иллюзию его абсолютной свободы от социальных обстоятельств, приписывает ему в качестве мотивации диффузную идею свободы, дерзновение, инновативность, автономию, готовность к риску и гиперпродуктивность. В этом дискурсивном диалекте технологические корпорации региона нашли очень эффективный инструмент конструирования здравого смысла, соответствующего их интересу, который является составной частью мировоззрения наиболее удаленных секторов социальной структуры. В контексте глубочайшего кризиса, который переживает сейчас Латинская Америка, дискурс предпринимательства с его техно-либерально-дигитальным духом актуализирует поздний неолиберализм, который уже явно истощил себя и пришел упадок.

В контексте коллапса минимальной социальной поддержки и непредвиденной концентрации капитала в руках корпораций, противостоящих слабейшим или даже «несостоявшимся» государствам, это преувеличенное выпячивание диффузной идеи свободы - по сути своей, рыночной свободы - является парадоксальным. Предпринимательский дискурс старается трансформировать боль, порожденную повседневным опытом нестабильности, в адреналин риска, трансформировать горе в предполагаемую индивидуальную возможность. Эта игра в «обретение силы» выливается, таким образом, в приватизацию социального страдания и обострение чувства вины субъекта, который находится под двойным гнетом своих пауперизированных материальных условий и нереализованных мандатов гипер-продуктивности.

Продвижение этой новой социальной конфигурации еще более усложняет те непростые вызовы нашего времени, с которыми сталкивается поколение, ориентированное на новые горизонты здравого смысла и способное к новым формам коллективной организации. Профсоюзы и общественные движения, в том числе протестные, являются основными движущими силами, отвечающими на этот вызов. Однако их потенциал (который в настоящее время подвергается критическим испытаниям) зависит от способности деконструировать анахроническую логику и изобрести коллективные формы, которые смогут разрешить стоящие перед ними дилеммы. ■

Адрес для связи: <patriciaventrici@gmail.com>

> Интеркапиталистическая система: молекулярные и органические классы

Эстебан Торрес, Национальный Университет Кордобы - КОНИСЕТ (CONICET), Аргентина

Чтобы объяснить процессы социальных изменений, необходимо обратить внимание на историческую эволюцию мировой игры присвоения (МИП), которая разворачивается одновременно на трех уровнях: национальном, региональном и всемирном¹. МИП – или игра за могущество в мировой социальной системе – это изменчивое поле интеракций, которое формируется переплетением шести исторических систем: капиталистической, государственной, коммуникативной, расовой, патриархатной и природной. Капиталистическая система является центральным материальным основанием мирового общества, начиная с XIX века. Эта роль делает капитализм – если говорить упрощенно – господствующей системой.

Ключевая трансформация капиталистической системы в ходе эволюции МИП – это конституирование новой мировой классовой структуры. Социальные классы, о которых идет речь, имеют мало общего с социальными группами, возникшими в первых европейских промышленных городах XVIII и XIX веков, которые стали предметом концептуализации для Маркса и Вебера. Если ядром классовой структуры, согласно Марксу, являлись упрощенные антагонистические отношения между капиталистическими и рабочими классами, то классовая структура современного глобального общества определяется, прежде всего, на основе диалектики молекулярных и органических классов. Если для старого индустриального порядка критерием определения класса была собственность на средства производства; сегодня критерием классовой принадлежности является источник дохода.

> Молекулярные классы

Принадлежность индивида к молекулярному классу определяется его экономическим положением, изменяемым получаемым доходом. Субъектом молекулярного класса является индивид, а не группа. По крайней мере, с конца XX века каждый национальный сегмент мирового общества формируется молекулярной классовой структурой.

На этом уровне можно выделить четыре типа классов: класс, зависимый от прибыли (КДП); класс, зависимый от труда (КЗТ); класс, зависимый от социальной поддержки (КЗСП); и класс, зависимый от преступной деятельности (КЗП). Членство индивида в молекулярном классе в каж-

дый интервал времени определяется основным источником его дохода. При изменении источника дохода, классовая принадлежность меняется. Кроме того, каждый индивид в конкретный момент времени не только принадлежит к конкретному молекулярному классу, но и к определенной страте этого класса.

Принадлежность индивида к классовой страте определяется на основе его экономической позиции, ассоциированной с величиной дохода. В XXI веке можно выделить 5 слоев каждого из классов на национальном уровне мирового общества: наивысший, высший, средний, низший и самый низший классовый слой. Самая высшая классовая страта состоит из растущего по численности и известного своей скандальностью сегмента элиты, который можно назвать вселенной миллиардеров. Индивид, принадлежащий к высшему классу, принадлежит к низшему сегменту элиты. Оба эти сегмента составляют поле элитных позиций. Индивиды, принадлежащие к средним, низшим и самым низшим слоям составляют поле массовых социальных позиций. Это поле является внутренне дифференцированным по разным критериям.

Итак, в отличие от того, что предлагают современные классовые теории, я рассматриваю класс не как показатель стратификации; каждый класс стратифицирован и каждая страта состоит из представителей нескольких классов. Молекулярный класс проявляет себя в различных слоях; каждый слой сводит воедино представителей разных классов.

> Органические классы

Если отношения между молекулярными классами порождены модусами структурирования и интеракции между классами индивидуумов на национальном уровне, органические классы возникают в результате структурирования и интеракции между классами стран и регионов на глобальном уровне. Органический класс – это эквивалент национальной и/или региональной структуры молекулярных классов. Органический класс – это способ субъективации и проявления экономической позиции национальной системы, который определяется, прежде всего, на основе структуры ее доходов. Осознание существования мировой паутины органических классов позволяет перейти от общего и единичного понятия ка-

“То, что мы обычно называем капиталистической системой, это метасистема, система капиталистических систем, которые вступают в асимметричные взаимодействия”

капиталистической экономической системы к идее *интеркапиталистической системы*. Таким образом, я считаю, что то, что обычно называют «капиталистической системой», является метасистемой, всеобъемлющей системой капиталистических систем, которая формируется в асимметричном взаимодействии. Такая система является внутренне дифференцированной по своим организационным формам, но она подчиняется единой абстрактной логике максимизации прибыли.

В интеркапиталистической системе взаимодействуют три парадигмальные типа органических классов: (i) класс, порожденный информационным обществом, основанном на знании (ИК = информационный капитализм); (ii) промышленный класс (ПК промышленного капитализма); и (iii) класс, зависимый от товарного капитализма (ТК = товарный капитализм). В свою очередь, можно выделить два взаимно обусловленных слоя органических классов: центр и периферия. Тот факт, что субрегион, страна или регион принадлежит к одной из этих страт, отражает их экономическую позицию в глобальном мире и определяется размером их экономики

Начиная с интернационализации капиталистической системы² в XIX веке, в центральной страте этой системы воспроизводились органические ИК и ПК, а ТК воспроизводился, в основном, на периферии. Таким образом, классовая принадлежность стран и регионов определяется на основании их двойного членства в органическом классе и в страте. Важно подчеркнуть, что органические классы определяют ядро мировой материальности молекулярных классов. Это означает, что каждый индивид или, скорее, все классы индивидов воссоздаются на уровне центральной или периферийной системы. Такая локализация предполагает наличие дополнительного источника материальной детерминации, которая имеет над-индивидуальный характер. Таким образом конфигурация каждого класса индивидов, принадлежащего мировому обществу, определяется двойной субъективацией и двойным проявлением, молекулярным и органическим.

Современный процесс мирового развития капитализма, который развивается с 1980х годов, связан также с растущей интернационализацией классовой структуры интеркапиталистической системы. Эта экспансия привела к тому, что классовые неравенства перестали быть исключительно неравенствами между классами индивидов, принадлежащих экономическим структурам различных национальных обществ, но, прежде всего, стали представлять неравенства между классами стран и регионов в системе мирового разделения труда.

Важно отметить, молекулярные и органические классы в данной модели не рассматриваются как акторы. Мой подход в этом отношении существенно отличается от современной теории социальных классов. Я считаю, что классу не присущая логика действия. Классы индивидов и классы стран не являются социальными акторами и не имеют предопределенных интересов. Этот социальный факт стал очевидным, по крайней мере, начиная с работ Бурдьё. Классы индивидов становятся индивидуальными акторами, когда они действуют на самом деле. Они становятся коллективными акторами, когда они создают компании, профсоюзы, общественные движения и проч. Социальное действие невозможно объяснить, не принимая во внимание мировую классовую структуру³. ■

Адрес для связи: <esteban.torres@unc.edu.ar>

1. Важно различать понятия «глобального» и «мирового». На мой взгляд, глобальной называется конкретная социальная сфера, которая формируется экспансией или выдвижением некоего национального контекста на мировой уровень. Всемирный феномен выстраивается из нескольких глобализованных сегментов. Более точно, всемирное общество состоит из нескольких национальных региональных и глобальных сегментов (См. Torres E., “World Paradigm. A Proposal for Sociology”, *Global Dialogue* 11.1, <https://globaldialogue.isa-sociology.org/uploads/imagen/2255-v11i1-russian.pdf>) [Парадигма мирового порядка: предложение для социологической теории. ГД 11.1., стр.40-41]

2. Экспансия мирового общества, отличная от глобализации.

3. Эта теория капитализма представлена в моей книге *The Intercapital System: The New Economy of World Society* [Интеркапиталистическая система: новая экономика мирового общества] (в печати).

> Недостойный капитализм

Фабрисо Масиэль, гостевой профессор, Университет Фридриха Шиллера, Йена, Германия

Интерпретация капитализма является непростой задачей именно потому, что он представляет собой и экономическую систему, и образ жизни, которые постоянно изменяются. На протяжении всего двадцатого века предпринималось множество попыток определить и классифицировать различные стадии капитализма. Сейчас в XXI веке технологическое измерение системы уже показывает свое агрессивное лицо на глобальном уровне, производя новый тип цифрового андеркласса. Согласно этому сценарию, пандемия коронавируса лишь углубила и сделала еще более очевидным неравенство между социальными классами во всем мире.

Чтобы понять, как это произошло, мы должны отбросить иллюзии конъюнктуры (стечения обстоятельств), которые пронизывают описания политики в литературном жанре романа. Такая «романизация» стала основным занятием глобальных медиа, трансформирующих политическое поле в огромный спектакль и систематически скрывающих то, что происходит. Мы постараемся реконструировать более масштабный структурный и исторический сценарий, который привел нас к существующему положению дел.

> Возникновение глобального андеркласса

Начиная с 1970х годов капитализм переживает «великую трансформацию», если воспользоваться здесь известным выражением Карла Поланьи, придавая ему новый смысл. Коллапс государства благосостояния в США и Европе после 30 лет его расцвета является исходной точкой понимания этого «нового храброго мира работы», как провокационно назвал его Ульрих Бек.

Во время золотого века социального государства, с конца Второй Мировой Войны до середины 1970х гг., капитализм все еще старался доказать свою способность к продвижению социальной справедливости. Упадок системы социального обеспечения обозначил наступление эры прекарной работы в центральных странах глобальной системы – Германии, Франции и ВБ. Стало ясно, что капитализм никогда не станет системой, способной к достижению какой-либо справедливости.

С тех пор на глобальном уровне началось строительство нового капитализма, который я называю недостойным капитализмом. Его основной бренд – это производство глобального андеркласса как в странах центра, так и на периферии глобальной системы. Существование андеркласса всегда было типично для стран периферии и даже для целых континентов, таких как Латинская Америка и Африка. В настоящее время массовый приток мигрантов и обеднение массовых классов на континентах и в странах центра мировой системы, например, в США и Европе, приводит к тому, что производство глобального андеркласса становится основной характеристикой недостойного капитализма.

Новый капитализм специализируется на производстве и натурализации обесценивания человеческой жизни. Идея достоинства, присутствующая, например, в Конституции Бразилии, напоминает нам о том минимуме средств, который необходим человеку для материального выживания и морального самосохранения. Если этот минимум не гарантируется работой или государственной поддержкой, индивид погружается в условия недостойного существования, которые и определяют жизнь глобального андеркласса. В Бразилии этот андеркласс, у которого нет никакой работы, достигает численности 30% экономически активного населения, формирует что-то наподобие суб-гражданства, по определению Джессе Сузы. Еще 30% представителей недостойного рабочего класса занимаются трудом в таких ненадежных условиях, которые обычно определяются как прекарные.

> Прекарность или недостойные условия жизни?

Здесь уместно обсудить понятия прекарности и прекарной работы. Эти термины описывают очевидно плохие ситуации и условия труда. Я предпочитаю понятие недостойной работы, потому что оно позволяет пролить свет, как на материальную нищету, так и на унижительные моральные и экзистенциальные условия существования миллионов людей в современном мире. В Бразилии 30% населения проживает на грани достойного существования, потому что у них есть хоть какая-нибудь работа, пусть даже и недостойная. Еще 30% населения живет в условиях ниже порога достойного существования, поскольку у них нет никакой работы.

“Большинство бразильских управленцев во время выборов 2018 года придерживалось авторитарных установок, основанных на ультрамеритократической рыночной ментальности”

В отношении европейского сценария, особенно для Франции, Роберт Кастел выделил важные аспекты понимания недостойного капитализма. Он считает, что упадок социального государства означает также крушение общества, основанного на заработной плате. Основная характеристика такого общества – это процесс де-аффилиации, при котором рынок труда исключает все более число людей, не создавая условий для их возвращения в мир труда. В результате производится социальная группа «оставленных за бортом», то есть европейский андеркласс, который сейчас пополнил статистику глобального андеркласса.

> Недостойный капитализм и крайне правые

В этом контексте необходимо исследовать отношения между недостойным капитализмом и ростом популярности крайне правых политических сил в мировом масштабе. Здесь необходимо опровергнуть господствующее мнение, что нео-авторитаризм на глобальной арене обязан своим появлением ошибкам партий левого фланга. И вновь мы должны рассеять иллюзии о стечении обстоятельств и обратиться к анализу глубоких структур, которые привели к этому феномену.

На примере Германии Клаус Дерре показал прямую связь между ростом прекарности труда и склонностью к ментальности и сентиментам крайне правых. Его анализ помогает понять, что авторитаризм является эффектом, а не причиной недостойного капитализма, хотя в ряде случаев этот тип правления может способствовать углублению недостойного состояния,

что видно сегодня на примере Бразилии и ряда других стран.

Итак, если массовые классы усваивают авторитарные чувства из страха перед тем, что их принудят к недостойному существованию, то правящие классы заигрывают с авторитаризмом, т.к. панически боятся утратить свои социально гарантированные привилегии. Именно это подтверждает эмпирическое исследование административных работников. Бразилии. Обладая привилегированным классовым происхождением, высокими окладами и ведя роскошный образ жизни, большинство управленческого персонала во время выборов 2018 года поддерживали авторитарные настроения, основанные на ультрамеритократической рыночной ментальности; эти настроения отчетливо материализовались в дискурсах о Джаире Болсонару.

Сегодня в условиях углубления недостойных условий существования, ставших результатом ультра-неолиберальной политики правительства и последовавшей в ответ на пандемию политикой смерти, бразильский народ посылает сильное сообщение: Лула да Силва, арестованная в 2018 году по обвинениям в крупнейшем политическом и правовом мошенничестве в истории Бразилии, сейчас в 2022 году занимает первое место в списке потенциальных кандидатов в президенты. Скоро мы увидим, позволит ли ближайшее будущее обратить вспять, хотя бы в некоторой мере, историю недостойного капитализма и чему мир может научиться на этом примере. ■

Адрес для связи: <macielfabricio@gmail.com>

> Неолиберализация, маркетизация и прекаризация высшего образования

Йоханна Грубнер, Университет Йоханнеса Кеплера, Австрия; заместитель редактора «Глобального диалога»

Начиная с 1980х годов, начались процессы фундаментальной трансформации, которые получили название неолиберального реструктурирования. Они коренным образом изменяют экономику, политику и общество. С начала 1990х годов сфера высшего образования и университеты являются частью общей реконструкции публичного сектора, и с тех пор все более поглощаются процессами экономизации и неолиберализации. Во многих странах наблюдается сдвиг от государственно-бюрократического регулирования в сторону все большей ориентации на организационные паттерны и контрольные механизмы рыночного типа. Такой поворот приводит к серьезным последствиям на разных уровнях.

Отметим три существенные перенастройки в сфере высшего образования. Во-первых, во многих странах произошла стандартизация программ подготовки и введены ограничения свободы выбора курсов по интересам, что решительным образом меняет характер обучения. В то же время произошла массовизация университетского образования, что повлияло на возможности трудоустройства выпускников и снизило значимость университетских дипломов. Во-вторых, для многих систем высшего образования характерно отсутствие гарантий занятости в сочетании с неолиберальным поворотом от социального государства к государству для работающих, а значит - к вынужденной прекаризации. Маркетизированные формы ранжирования университетов и научных сотрудников привели к общему росту конкуренции и создали тип работающего субъекта, который (как представляется) отвечает на требования гибкого нерегулируемого рынка труда и организации работы, ориентированной на крайне эффективный рост производительности. В-третьих, эти новые требования по-новому повлияли на гендерные уклады в системе высшего образования, хотя на первый взгляд они представляются гендерно нейтральными, поскольку все сотрудники ранжируются по одной шкале. Структурные преимущества существуют у тех сотрудников, которые обладают большими возможностями управлять собственным временем и не несут обременяющей ответственности заботы.

Статьи симпозиума посвящены трендам трансформации высшего образования и анализируют их последствия. В первой статье Стефани Росс и Ларри Савидж рассматривают коммодификацию высшего образования и реорганизацию режимов работы в Канаде. Они обращают внимание на адаптации к пандемии COVID-19 и те возможности и потребности, которые стали очевидны в это время. Ка Хо Мок

Иллюстрация Арбу.

поднимает вопрос о перспективах занятости выпускников вузов в свете массового распространения высшего образования в странах Восточной Азии. Он изучает такие последствия массового распространения высшего образования, как рост конкуренции на рынке труда. Элизабет Балбачевски обсуждает судьбу университетов в неопопулистских режимах, когда правительство старается не трансформировать университет, а нанести ему поражение. На примере бразильских университетов она показывает, что полуавтономные процессы принятия решений могут обеспечить стабильность университетов даже при административном коллапсе, вызванном государственными ошибками управления. Юзеф Вагхид, критически оценивая дистанционное обучение, интенсивно развивающееся в период пандемии, ставит вопрос о том, является ли университет исключительно институтом передачи знаний. На примере (южно)африканских университетов он выступает за переустройство высшего образования на основании африканской этики Убунту. Следование принципам этой философии поможет университетом стать автономными институциями, которые в то же время имеют тесную связь с обществом и высоко ценятся им. ■

> Неолиберализация постпандемического высшего образования

Стефани Росс, Университет Макмастер, Канада; член ИК МСА по движениям трудящихся (ИК44) и
Ларри Савидж, Университет Брока, Канада

Забастовка Ассоциации преподавателей высшей школы в Акадском Университете в Новой Шотландии, Канада. Февраль 2022 г. Ист.: Can Mutlu.

Большинство людей, работающих сегодня в сфере высшего образования, выделяют три основных тренда. Во-первых, цель высшего образования повернулась решительным образом в сторону потребностей рынка. Во-вторых, содержание, организация, распределение и вознаграждение работы в сфере высшего образования изменились драматическим образом, что ощущается очень сильно. В-третьих, эффекты этих двух взаимосвязанных процессов продолжают вызывать волны коллективного протеста, хотя это сопротивление является неравномерным и переплетается с индивидуальными стратегиями совладания, согласия или ухода. Воздействие пандемии COVID-19 еще больше усилило эти тренды, поднимая вопросы о том, на что будет похоже постпандемическое высшее образование, и кому оно будет служить.

> Неолиберализация как коммодификация высшего образования

В последние три десятилетия происходит неолиберальная трансформация высшего образования. Что касается цели, то в настоящее время высшее образование ориентировано на потребности рынка. Учреждения высшего образования все больше обслуживают потребности частных работодателей в подготовке работников, которые могут быть успешными в глобальной экономике. Институты высшего образования стали подчиняться рыночной дисциплине, конкурируют за студентов, за доллары, которыми они оплачивают обучение, за любое государственное финансирование, а также за филантропические инвести-

>>

ции частных доноров, которые формируют цели деятельности университета с помощью своих финансовых вливаний. Большинство аналитиков «корпоратизации высшего образования» отмечают, что в ходе трансформации внутриуниверситетские правила принятия решений стали походить на стиль корпорации, где власть централизована в руках высшей администрации, а коллегиальное управление, при котором профессорско-преподавательский состав и другие участники играют большую роль, вытесняется на периферию. Рыночная ориентация выражается также в бюджетных ограничениях и показателях оценки работы ППС, которые позволяют усиливать внутреннюю конкуренцию за ресурсы. Такие трансформации также очевидны в содержании программ обучения, которые теперь должны привлекать студентов, ищущих дипломов, значимых для успеха на рынке труда. Выпускники вузов должны при найме продемонстрировать свое соответствие требованиям рабочего места, а не наличие критических и аналитических навыков.

> Реорганизация работы: реализация неолиберальных режимов работы

Реорганизация работы является существенным компонентом неолиберализации высшего образования, потому что новые процессы научного труда и соответствующие им отношения власти необходимы для осуществления такого видения рыночно ориентированного образования. Если говорить конкретно, то трудовые процессы в сфере высшего образования подверглись фрагментации научного труда, разделенного теперь на компоненты преподавания, исследования и выполнения служебных обязанностей. Результатом такой реорганизации является декавалификация тех работников, которые выполняют лишь одну из этих обязанностей, и удешевление их все более легко замещаемого труда. Рост числа временных контрактов для преподавателей и исследователей очевиден во всех институтах высшего образования. Эти изменения позволяют сохранить деньги и усилить административный контроль, поскольку работники на прекарном контракте редко участвуют в коллегиальном управлении. Интенсификация работы сопутствует фрагментации и порождает атмосферу конкуренции за небольшое число «хороших рабочих мест» и за прекарные контракты. Такая интенсификация работы также включает значимый компонент эмоционального труда. Ожидания студентов в отношении смысла высшего образования для их будущего также направляются неолиберальными представлениями об университете, что требует от преподавателей новых способов управления этими ожиданиями. И, наконец, мы наблюдаем разработку различных форм восходящей отчетности и нисходящего надзора, поскольку производительность работников становится главной заботой институций высшего образования. Curriculum vitae становится научным секундомером, который используется для самодисциплинирования в соответствии с неолиберальным трудовым процессом.

> Высшее образование после пандемии: продолжение трендов или пространство для альтернатив?

Пандемия COVID-19 еще больше интенсифицировала описанные выше тренды коммодификации и централизации, реорганизации и интенсификации работы, конфликта и резонанса. Чрезвычайная ситуация позволила администраторам высшего образования еще больше централизовать процесс принятия

решений и прекратить участие коллегиальных органов в развитии политик и практик. Решения о том, где и когда возвращаться к обучению лицом к лицу, какие меры защиты и безопасности здоровья на рабочем месте внедрить, стали предметом конфликта. Озабоченность преподавателей по поводу факторов, побуждающих возвратиться на рабочие места, а именно стремление администрации скорее защитить свою позицию на рынке образовательных услуг и бюджетирования, нежели обеспечить здоровье и благополучие членов сообщества, а также нехватка значимого влияния на принятие этих решений – все это привело к росту недоверия, гнева, недовольству и разобщенности.

Пандемия также привела к существенной интенсификации работы. Преподаватели должны были быстро приспособиться к преподаванию и другой деятельности онлайн, приобретая новые технологии и навыки. Они также столкнулись с возросшими ожиданиями по выполнению эмоциональной работы и реагированию на ряд потребностей студентов, которые старались продолжать обучение и одновременно справляться с болезнями, смертью, потерей работы и общей тревожностью в отношении будущего. Преподаватели должны были абсорбировать чувства студентов и управлять ими. В то же время им приходилось преодолевать свои собственные страхи часто в контексте работы из дома, когда им нужно было присматривать за детьми, у которых школьные занятия также проводились онлайн. Все это происходит в условиях, когда сохраняются ожидания в отношении производительности труда исследователей, что само по себе создает преимущества для тех преподавателей, которые обладают большими привилегиями. Таким образом в этом секторе занятости усиливается стратификация.

Усталость от ковида, усиление недовольства администрацией со стороны преподавателей и бюджетные ограничения, которые должны были улучшить финансовое положение сектора – все это вызвало коллективное сопротивление, которое проявилось в разных формах. Если в начале пандемии случаи забастовок в университетах были редкостью, то в настоящее время мы наблюдаем нарушения трудовой дисциплины и рост открытого протеста на кампусе. Этот процесс наиболее очевиден на примере волны забастовок в высшей школе, которые прокатились по Канаде и ВБ в начале 2022. Хотя условия пандемии сделали участие в коллективных действиях более сложным, они также подготовили благодатную почву для того, чтобы работники сферы образования более, чем когда либо прежде, ощутили отчуждение от своей администрации.

Смогут ли забастовки в постпандемический период трансформировать неолиберальный университет – это открытый вопрос. Однако совершенно очевидно, что внешнее экономическое и политическое давление почти наверняка будет продолжать требовать от университетской администрации такой реорганизации работы и такого изменения процесса принятия решений, которые породят гнев, недовольство и потенциально приведут к еще большему протесту со стороны работников академического труда. ■

Адреса для связи:
<ross10@mcmaster.ca>
<lsavage@brocku.ca>

> Высшее образование и занятость: тренды Восточной Азии¹

Ка Хо Мок, Университет Линьяна, Гонконг

Растущее распространение высшего образования оказывает давление на занятость выпускников и вызывает рост конкуренции на рынке труда. Ист. Lingnan University.

В последние годы рынки рабочей силы Восточной Азии испытывают массовый приток работников с высшим образованием в связи с тем, что высшее образование в стране стало массовым, и выпускники вузов ищут работу. Без сомнения массовое распространение высшего образования в Восточной Азии оказывает давление на занятость и делает рынок труда крайне конкурентоспособным. На табл.1 представлены данные на 2020 год о соотношении уровня безработицы и уровня образования в Восточной Азии (в отдельных странах и регионах). Возможно, эти цифры и не демонстрируют каузальную связь между массовым характером высшего образования и безработицей, т.к. последняя остается на достаточно низком уровне. Однако все большее число данных свидетельствует о том, что в последние годы недавние выпускники не могут получить надежную конкурентоспособную работу. Общество волнует качество занятости выпускников и вопрос о том, находят они работу в формальном или неформальном сегменте рынка труда.

> Массовость высшего образования и проблемы занятости выпускников вузов

В условиях ускорения глобализации и становления экономики знаний, многие страны расширили свои системы высшего образования, чтобы повысить конкурентоспособность в глобальном мире. Однако, вопреки ожиданиям, выпускники вузов должны доказывать свою конкурентоспособность на рынке труда. Хотя в глобальном масштабе безработица снизилась, более 170 млн человек в мире остаются безработными (данные Международной Организации Труда, 2019). Статистика Мирового Банка показывает, что с начала 21 века доля работающей молодежи устойчиво снижается. По сравнению с Европой, Северной Америкой и Африкой, снижение уровня занятости молодежи в странах Азии, особенно Восточной Азии, является более заметным трендом (см. Рис.1). Данные Восточной Азии обнаруживают флуктуацию в росте молодежной безработицы, которая усилилась во время рецессии, обусловленной пандемией COVID-19.

Уровень безработицы в Восточной Азии в 2020 по уровню образования (избранные страны/регионы)

Страна/Регион	Уровень образования	Безработица (%)
Гонконг	Пост-среднее образование	5,10
Япония	Колледж и Университет	2,90
Южная Корея	Университет и выше	3,50
Тайвань	Университет и вуз	4,92

Табл. 1. Источник: Статистическая служба Гонконга, <https://www.statistics.gov.hk/pub/B10100062020AN20B0100.pdf>; Японии, <https://news.yahoo.co.jp/byline/fuwarai/20210325-00228342/>; Статистическая служба Кореи, <https://kosis.kr/eng/search/searchList.do>; Департамент переписи населения и статистики Тайваня (Китайская Республика), <https://eng.stat.gov.tw/ct.asp?xItem=42761&ctNode=1609&mp=5>.

Доля работающих среди молодого населения

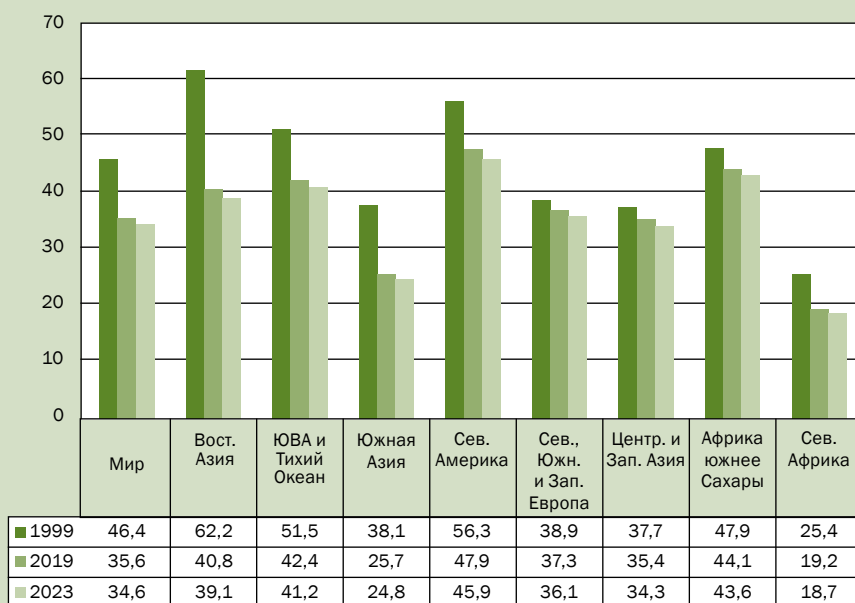

Рис. 1. Источник данных: Мировой Банк, <http://datacatalog.worldbank.org>.

Уровень безработицы среди молодежи в Восточной Азии

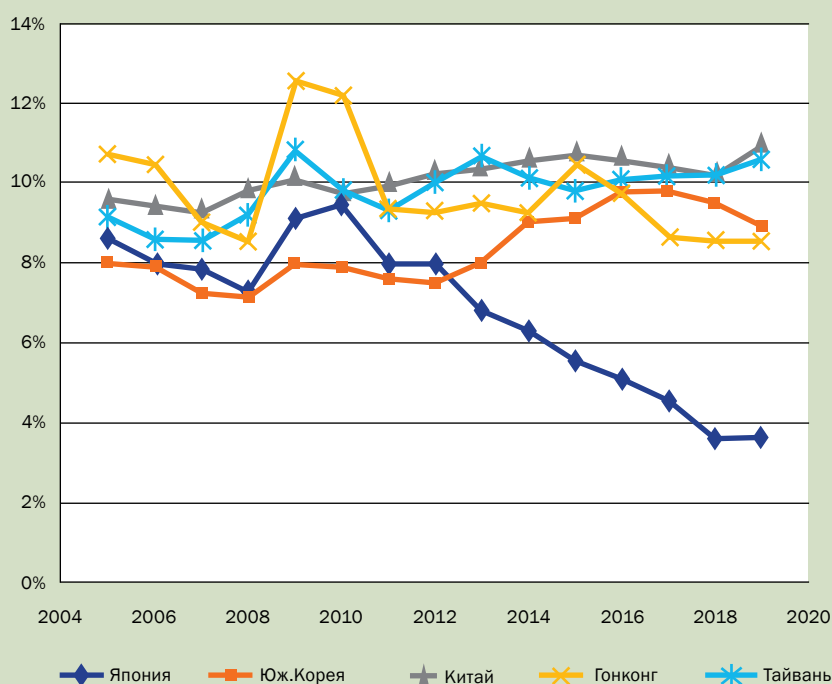

Рис. 2. Источник данных: Национальное Статистическое Бюро Китая, <http://www.stats.gov.cn>; Департамент статистики и переписи населения Гонконга, <http://www.censtatd.gov.hk/sc>; национальное статистическое бюро Тайваня, <http://www.stat.gov.tw>; Национальное Статистическое Бюро Южной Кореи, <http://kostat.go.kr>; Статистическое бюро Японии, <http://www.stat.go.jp>.

Последние исследования подтверждают, что новое поколение выпускников вузов в странах Восточной и Западной Азии сталкиваются со сложностями трудоустройства, с безработицей или недозанятостью. На рис.2 представлен тренд роста безработицы среди молодежи Восточной Азии. Более того, выпускники вузов зачастую сохраняют рабочие места, соглашаясь на низкую оплату труда и работу, предполагающую низкий уровень образования, что ведет к эффекту так называемой «избыточной квалификации» на рынке труда. Проблема избыточной квалификации и массовизации может привести к высокому уровню безработицы, низкой заработной плате и прекарному труду. Избыточное предложение работников с высшим образованием не только делает очевидными «обманутые обещания» теории человеческого капитала, которая утверждает, что инвестиции в высшее образование способствует восходящей социальной мобильности, но также раскрывает жестокую реальность, с которой сталкиваются выпускники: несоответствие имеющейся работы их высокому уровню квалификации. Все чаще мы видим протесты разочарованной молодежи, жалующейся на прекарную работу.

В Японии, Южной Корее, Гонконге, Тайване и Китае с 2004 до 2020 гг. наблюдается флуктуация безработицы среди молодежи с дипломами высшего образования (см. Рис.2). Отметим, что тренд массового распространения высшего образования никак не связан с феноменом безработицы молодежи в странах Восточной Азии, что подтверждается отсутствием значимой корреляции между этими показателями. То есть выпускники сталкиваются с трудностями в поисках работы, даже если они имеют дипломы о высшем образовании. Япония демонстрирует хорошие показатели снижения уровня безработицы среди молодых выпускников вузов, хотя после 2018 года этот показатель несколько вырос. В связи с этим вопрос о том, как выпускник вуза может получить достойную работу, стал актуальным во всей Восточной Азии.

> Следствия для социальной политики

Эта статья показывает, что массовизация высшего образования отрицательно влияет на занятость выпуск-

ников, особенно в связи с все более явным расхождением между навыками выпускников и изменяющимися потребностями рынка труда. Исследование показывает значимость соответствия знаний и умений выпускников университета потребностям рынка труда. Те навыки, которые учащиеся получают в вузах, совсем необязательно транслируются затем в хорошие шансы поиска работы. Более того, некоторые интерпретации, освещающие позицию предложения, возлагают ответственность за такую картину на учреждения высшего образования, упрекая их в том, что они не обучают студентов необходимым навыкам. Однако, хорошие и надежные перспективы занятости совсем не обязательно соответствуют тем рабочим местам, на которые нанимаются молодые выпускники вузов. Поэтому учреждения высшего образования должны критически оценивать свои программы и реагировать на быстрые социально-экономические изменения.

Интенсификация безработицы и недозанятости выпускников вузов в сочетании с феноменом «обманутых надежд», которые сформулировала теория человеческого капитала, породила рост недовольства среди образованной молодежи. Современные исследования часто демонстрируют высокие показатели низкой самооценки по шкале счастья среди молодых людей во всей Восточной Азии. Аналогичным образом несчастливая молодежь Великобритании и Европы заставила правительства Запада признать наличие «кризиса молодежи». Правительства в различных уголках мира должны с осторожностью относиться к межпоколенческим конфликтам, особенно когда растущее число несчастливых молодых людей видят корень проблемы в *поколенческом неравенстве в образовании, работе, досуге и социальном обеспечении*. ■

Адрес для связи: <kahomok@ln.edu.hk>

1. Данная статья является переработанной версией главы: Mok, KH, Ke, GG and Tian, Z (2022) "Massification and privatisation of higher education in East Asia: Critical reflections on graduate employment from sociological and political economic perspectives." B: Brown, P et al (eds) *International Handbook for Graduate Employment*. Cheltenham: Edward Elgar. (В печати).

> Устойчивость бразильских университетов в условиях популистского режима

Элизабет Балбачевски, Университет Сан-Паулу, Бразилия

Фрагмент уличного искусства: на стене здания написано слово «популизм». Ист.: [flickr](#).

В этой статье рассматриваются проблемы, стоящие перед государственными университетами при неопопулистском правлении. Предметом анализа является опыт бразильских государственных университетов в период правления президента Болсонару.

В последние десятилетия во всем мире высшее образование столкнулось с множеством вызовов, порожденных государственными инициативами. Неoliberalизм, маркетизация, менеджериализм и другие термины описывают различные аспекты изменений, которые формируют отношения между высшим образованием, правительством и обществом. Однако опыт неопопулистского правления усугубляет ситуацию. При таком режиме университеты не только существуют во враждебной среде новых реформ в сфере высшего образования. Они сталкиваются с враждебной окружающей средой, в которой правительство заинтересовано не в трансформации университетов, а в том, чтобы одержать над ними верх.

Популизм – это старый термин политического анализа, который описывает руководство, пришедшее власти и управляющее обществом благодаря мобилизации прямой поддержки больших сегментов населения. Мобилизация массовой поддержки достигается за счет осторожного выстраивания различных дискурсов, трактующих вопросы, вызывающие недовольство и resentment

в различных сегментах общества. В настоящее время широкая волна resentment захватывает сектора, маргинализированные в результате динамики «общества знания». Эта ситуация открывает широкие возможности для роста авторитета политических предпринимателей, инвестирующих время и ресурсы для озвучивания недовольства и организации своей поддержки. Они делают это, используя старый популистский инструментарий: вскармливая персонализированную близость между лидером и его сторонниками, а также обещая инклюзию и защиту «народу, нужды которого долгое время игнорировались».

> Неопопулистская атака на университеты

В популистском дискурсе университеты (и не только они) репрезентируют врага: они являются колыбелью постматериалистической культуры и тех ценностей, которые бросают вызов основным убеждениям «народа». Университеты – это воплощение науки и технологии, которые представляют собой основную угрозу старым традициям. Еще один источник подозрения – это принцип скептицизма, который лежит в основе научного знания и который учит с недоверием относиться к прописным истинам. Такое восприятие превращает университет во врага, которого нужно поставить на колени. В более тоталитарных версиях неопопулизма политика контроля университетской жизни имеет более глубокое значение: их

>>

целью является конвертация университета в инструмент распространения господствующей идеологии, которой придерживается режим.

Неопопулизм, который сегодня угрожает бразильской демократии, коренится также в обеднении населения и отсутствии безопасности, которые стали результатом глобализации. Но он идет дальше: он подкрепляется уязвимостью, порожденной прекарностью доступа к качественному образованию и широко распространенному дефициту подготовки современных навыков и компетенций. Это недовольство активно использовалось кандидатом на пост президента Жаиром Массиасом Болсонару в его успешной кампании 2018 года. Он победил благодаря мобилизации различных социальных медиа и изобретению разнонаправленных нарративов, адресованных своим сторонникам. Каждый нарратив опирался на источники ненависти и недовольства и представлял кандидата на пост президента как борца за старые традиционные ценности и правомочного выразителя чаяний всех недовольных.

Придя к власти, Болсонару начал править, опираясь на огромную дисперсную и разветвленную сеть сторонников, мобилизованных социальными медиа, и заручившись энергичной поддержкой большого числа членов Конгресса, представляющих разные партии. Политические сторонники Болсонару мобилизованы консервативной повесткой. Ее основной целью является разрушение правил, регулирующих все сферы общества: состояние окружающей среды, здоровье, образование, инфраструктуру и социальное обеспечение.

Правительство Болсонару сделало государственные университеты своим врагом. При различных обстоятельствах члены правительства представляли университеты как рассадники коммунизма и атеизма, обвиняли университетскую администрацию в толерантности в отношении выращивания марихуаны на кампусных территориях. Соответственно правительство резко сократило бюджеты федеральных университетов. Министерство юстиции использовало старый закон 1960х годов, принятый в период авторитарного режима, чтобы запустить правовое преследование ученых и администрации университетов за критику правительства в публичной сфере. Под предлогом пандемии правительство также заморозило найм новых научных сотрудников и других работников вузов. В ряде случаев были предприняты шаги, ограничивающие академическую автономию: сократилась материальная поддержка социальных и гуманитарных наук, проводились меры, угрожающие существованию

магистерских программ, фокусирующихся на гендерном и расовом неравенствах. И, наконец, правительству во многом удалось дезорганизовать внутреннее управление университетами, обходя установленные правила и назначая в качестве ректоров руководителей небольших консервативных движений.

> Университетское сопротивление

Несмотря на это враждебное окружение, бразильским университетам удалось выжить. Они смогли противостоять трудностям, порожденным пандемией, нашли ресурсы для обновления преподавания и обучения, используя доступные инструменты дистанционного образования, и запустили программы, позволяющие материально необеспеченным студентам получить доступ в интернет. Исследования и образовательные программы стали фокусировать внимание на различных последствиях пандемии, что оправдывало существование университетов в глазах бразильского общества.

Университетское сопротивление подпитывается многими взаимодополняющими источниками. Во-первых, в бразильском обществе у университетов есть много союзников, в особенности в медиа и юридическом сообществе. Это наследие той значительной роли, которую государственные университеты сыграли в демократизации страны в 1970е-1980е годы. Во-вторых, значительную роль играют процедуры независимого рецензирования, принятые в науке и высшем образовании. Сталкиваясь с угрозами преследований, ученые всех дисциплин проявляют солидарность в поддержку академических свобод. И, наконец, действуют правила коллегиальности, которые все еще являются основой управления университетами в Бразилии. Коллегиальность предполагает, что инстанции принятия решений в университетах распределены и существует много полуавтономных накладывающихся друг на друга центров принятия решений. Отделения, факультеты, лаборатории, институты, программы – все эти структурные единицы обладают некоторой степенью автономии в процессе принятия решений. Когда центральная администрация развалилась из-за дурного управления правительства, эти центры вышли вперед и создали ad hoc связи, которые вывели университет из мутных вод. Таким образом, бразильский опыт показывает, что старые модели управления все еще могут пригодиться для поддержки устойчивости университетов перед лицом штормов, порожденных неопопулистскими авторитарными правительствами. ■

Адрес для связи: <balbasky@usp.br>

> О возможности Университета Убунту

Юзеф Вагхид, Университет Стелленбосха, Южная Африка

В этой статье я выступаю за пересмотр идеи университета в свете африканской этики Убунту, что переводится как человеческое достоинство и взаимозависимость. В глобальном мире университеты превратились в институции, которые занимаются (вос)производством знания для различных целей в диапазоне от достижения личной независимости до служения обществу или обслуживания интересов экономики и рынков. Однако, меня, прежде всего, тревожит, что университеты не всегда руководствуются целями общественного служения или социальной ответственности.

> Государственные университеты под угрозой

Несмотря на утверждения, что государственные университеты в (Южной) Африке существенно трансформировались, они не в состоянии удовлетворительно справиться с постоянными протестами студентов против роста оплаты образования, коррупции и нецелевого использования ресурсов, гендерного неравенства и исключения, сексуальных домогательств, таких порочных практик, как взятки за оценки, плагиат, отсутствие дисциплины. Избыточное потребление алкоголя и противоправное поведение студентов усиливают кризис высшего образования. И все же на сегодняшний день наиболее проблемным аспектом университетской жизни является преподавание и обучение. Преподавание и обучение в основном по-прежнему нацелены на передачу и получение знаний, и возможности критических педагогических практик крайне ограничены. Введение в ходе пандемии дистанционного преподавания, кажется, снова привело к тому, что обучение навыкам критики было принесено в жертву дистанционному удаленному и смешанному обучению, как будто эти подходы к педагогике высшей школы сами по себе могут обеспечить доверие университетскому образованию. Таким образом, под угрозой оказывается социальная ответственность университетов, и без всякого алармизма можно утверждать, что приближается коллапс учреждения.

Реагируя на ужасную ситуацию, в которой, как нам представляется, находятся университеты (Южной) Африки, я предлагаю рассматривать университет в свете африканской этики Убунту. Я считаю Убунту философским и политико-этическим понятием, которое может внести свой вклад, во-первых, в новое осмысление университетов в беспокойные времена и, во-вторых, в актуализацию практик, которые приведут к настройке институциональных и

трансформационных целей на идею сообщества, в котором ученые и студенты могут развивать отношения индивидуальной свободы, сотрудничества и сопричастности. Фрейминг Убунту может перезапустить трансформационный потенциал института высшего образования.

Отличительной чертой Убунту является внутренняя связь человеческого действия с внешними отношениями - с другими человеческими существами, контекстами, а также с нечеловеческими сущностями, такими как компьютеры и другие технологические устройства. Философия Убунту опирается на принцип «я существую, потому что мы существуем» и предполагает внутренние и внешние отношения Я с другими сущностями, включая вещи. Действия согласно принципам Убунту, предполагают, что университет, вдохновленный этой философией, является автономным социально ответственным учреждением. Такой университет не только консолидирует повестку институциональной трансформации, но и включает в нее проблемы общественного звучания. Здесь я обращаюсь к вопросам, которые касаются трансформации претензий знания и разума и тем направлениям исследований, о которых раньше не было речи. Во-вторых, такой университет считал бы свою вовлеченность в жизнь сообщества не просто сервисом или одним из видов деятельности наряду с другими, а истинным сотрудничеством в интересах учреждения и широкой общественности. В-третьих, такой университет смог бы культивировать моральное внимание к местным и мировым проблемам, решение которых способствует развитию чувства собственного достоинства, социального и реставрационного правосудия и мирного человеческого сосуществования.

> Деколонизация, деколониальность и Университет Убунту

До сих пор наиболее существенной проблемой трансформации высшего образования является задача деколонизации. Когда мы размышляем о деколонизации высшего образования, мы обращаемся к практикам сопротивления, которые способны разрушить искаженное понимание распределения власти, которое управляет практиками высшего образования. Наряду с деколонизацией можно использовать понятие деколониальности – восстановления культурных ценностей, экономических надежд, стремлений и интересов в сфере производства знания (ранее) колонизованных сообществ. Деколонизация

“Фрейминг Убунту может стать основой для создания учреждения высшего образования, которое по-новому рассматривает трансформационный потенциал этой институции”

ция государственного университета является попыткой противостоять империалистическому наследию и недооценке культуры и интереса к познанию маргинализированных сообществ. Таким образом, деколонизация высшего образования может выражаться в ре-артикуляции основополагающей системы ценностей исключенных сообществ. При такой трактовке проект деколонизации вполне совместим с философией Убунту, поскольку она утверждает, что необходимо прислушиваться к ценностям другого и к инаковости в принципе. Деколонизация высшего образования синонимична его перестройке в соответствии с моральными ценностями Убунту.

Можно задать легитимный вопрос: чем отличается Университет Убунту от предпринимательского университета, думающего университета, экологического университета? Я считаю, что, хотя эти различные определения подчеркивают моральные и эпистемологические императивы университета в отношении себя самого и общества, к которому они принадлежат, именно такие эмотивы Убунту, как достоинство и гуманность, способствуют развитию потенциалов университетской автономии, ответственности и критичности.

Что же составляет суть Университета Убунту? Во-первых, здесь важно следование девизу: «я существую, следовательно, мы существуем». Словосочетание «я существую» подчеркивает принцип автономии университета. Университет, прежде всего, призван культивировать и поддерживать независимое индивидуальное действие – вот идея, которая содержится во фразе «Я существую».

Во-вторых, словосочетание «мы существуем» указывает на ориентацию на коллективное человеческое действие. Согласно принципам Убунту, такой коллективизм должен базироваться на добровольной вовлеченности. Таким образом, Университет Убунту стремится развивать у своих членов – интеллектуальных исследователей – способ-

ность к политическому и образовательному делиберативному действию. Добровольная вовлеченность в сфере высшего образования является необходимым условием для автономных исследователей, претендующих на право ответственного высказывания в университетской среде и за ее пределами. Условия высшего образования предполагают, что люди работают и действуют совместно, в духе открытости, рефлексивности и взаимодействия, который помогает им совместно, руководствуясь целями внутреннего и внешнего блага, исследовать любые предметы. Согласно принципам Убунту высшее образование должно ориентироваться не только на внутренние цели, но и не отрицать ответственность университета перед общественностью, обществом и глобальным миром.

В-третьих, Университет Убунту должен быть ориентирован в будущее и учитывать местные и глобальные императивы. Нужно продвигать именно такое понимание африканского высшего образования, потому что во многом принципы Убунту еще не воплощены в жизнь. Такой университет должен заботиться не только об изучении локальных общественных проблем, но также обращаться к глобальным вопросам, стремясь к сосуществованию, признанию множества голосов, созависимости всего сущего в целях мирного сотрудничества и совершенствования. Именно такой университет должен обратиться к изучению глобальных проблем и дистопий.

Наконец, возможно разумным было бы перефразировать девиз Убунту «я существую, следовательно - мы существуем» следующим образом: «Я существую, следовательно – мы существуем и готовы к совершенствованию». Согласно этому лозунгу, Университет Убунту должен всегда находиться в состоянии становления, опираясь, скорее, на открытый, чем на замкнутый сет возможностей. ■

Адрес для связи: <yw@sun.ac.za>

> Необходимость реальных утопий

Майкл Буравой, Калифорнийский Университет, Беркли, США

Эрик Олин Райт был пионером реконструкции марксизма. Его работа о противоречивых классовых местах, опосредующих отношения между основными классами марксистской теории, превратилась в глобальный проект и вдохновила классовый анализ во всем мире. Он занимался поисками логических оснований и эмпирических коррелятов класса до последних дней своей жизни. Наиболее значимые книги, написанные им на эту тему, это *Classes* [Классы] (1985), *Class Counts* [Класс имеет значение] (1997) и последняя работа на эту тему - *Understanding Class* [Понимая класс] (2015). Большинство смертных вполне бы удовлетворились одним мощным глобальным проектом, но с начала 1990х годов Райт начал разрабатывать второй глобальный проект, посвященный реальным утопиям. Это было во время коллапса реально существующего социализма в СССР и его сателлитах, транзита Китая в сторону государственного капитализма и консолидации неолиберализма.

Эти исторические события привели многих к мысли о том, что марксизм умер. Однако Райт считал иначе. Он не ассоциировал марксизм с партийными государствами Советского Союза и Китая, и воспринял глобальный политический поворот как возможность возрождения марксизма с помощью основанных на практике представлений о реальном социалистическом будущем – представлений, вдохновленных реально существующими институтами, возникающими в зазорах капитализма или благодаря тому, что капитализм зависит от труда. В своем главном произведении *Envisioning Real Utopias* [Предвосхищая реальные утопии] (2010) он разработал теоретическую архитектуру реальной утопии и позднее представил свои идеи в манифесте под названием *How to be an Anticapitalist in the 21st Century* [Как быть антикапиталистом в XXI веке] (2019), опубликованном по-смертно на тринадцати языках.

Однако Райт был не просто теоретиком реальных утопий; он был практиком реальных утопий; он путешествовал по миру в поисках вызовов капитализму, беседовал с активистами, которые стремились реализовать свои мечты. Он вдохновлял не только ученых, но и широкие слои общественности, борющиеся за социальную справедливость. В диалоге с провозвестниками этих реальных утопий Райт выявлял их основополагающие принципы, их внутренние противоречия, условия существования и распространения этих проектов. На своем факультете в Висконсине и в самых отдаленных уголках

мира он проводил семинары, на которых обсуждались возможности и ограничения реальных утопий. Итогом этих семинаров должна была серия публикаций в издательстве Verso.

Эрик Райт сделал многое, но все же он оставил нам невыполненную задачу. Необходимо свести воедино реальные утопии, которые являются антикапиталистическими проектами. В книге *Envisioning Real Utopias* [Предвосхищая реальные утопии] Райт перечисляет те деструктивные черты капитализма, которые стремятся разрушить реальные утопии, порожденные гражданским обществом. Он пытался вернуть социализму социальное. В работе *How to be an Anticapitalist in the 21st Century* [Как быть антикапиталистом в XXI веке] он утверждает, что в основе реальных утопий лежат ценности равенства, демократии, социальной справедливости и солидарности – ценности, которые использовались для легитимации капитализма, но не имеют шанса полностью реализоваться при этом социально-экономическом порядке. Сохраняется неясность в отношении движущих сил, лежащих в основании реальных утопий и того, в каком смысле они являются антикапиталистическими. В этой краткой статье я утверждаю, что один из ответов на эти вопросы можно найти в работе Карла Поланьи *The Great Transformation* [Великая трансформация] (1944). Я покажу, что сами по себе идеи Поланьи имеют ограничения; их необходимо дополнить марксистской концепцией динамики капитализма. Круг замкнется, когда мы признаем, что марксистская теория должна быть дополнена тезисом Райта о реальных (а не воображаемых) утопиях.

> В поисках общего основания реальных утопий

Архитектура работы Райта *Envisioning Real Utopias* элегантно проста: критика капитализма (диагноз); альтернативы капитализму (решения); проблемы трансформации (лечение). Райт формулирует 11 тезисов критики капитализма. В целом капитализм увековечивает человеческие страдания, в которых нет необходимости; блокирует формирование условий процветания человечества; ограничивает свободу индивидов; нарушает принципы равенства; является в существенных аспектах неэффективным; поддерживает консюмеризм; разрушает окружающую среду; угрожает многим человеческим ценностям; разжигает милитаризм и империализм; разъедает сообщества; и ограничивает демократию. Это настоящий обвинительный акт! Элементы критики тесно связа-

>>

“Какой коллективный актер сможет спасти человечество от капитализма? Этот вопрос поставили перед нами Маркс, Поланьи и Райт”

ны друг с другом, но среди них трудно выделить объединяющую тему или центральный аргумент.

Если и стоит искать что-то общее, то оно заключается не в критике капитализма, а в альтернативе ему, а именно в усилении гражданского общества, противостоящего экономике и государству, в восстановлении социального в социализме. Отталкиваясь от идеи *воображаемых* утопий, которыми пронизана история социализма, он поставил перед собой задачу обнаружить «реальные утопии» - реально существующие антикапиталистические по своей сути формации, учреждения и организации, которые возникают в зазорах капитализма или в симбиозе с развитием капитализма.

Среди его любимых реальных утопий грант базового дохода, википедия, партисипаторное бюджетирование и социальная экономика. Его проект заключался в следующем: в ходе совместной работы с практиками нужно было сформулировать реальную утопию как абстракцию, а затем исследовать условия ее существования, распространения и внутренние противоречия. Реальные утопии были антикапиталистическими, поскольку они бросали вызов одной или нескольким деструктивным характеристикам капитализма. Райт выделил ряд стратегий создания реальных утопий – симбиотическую, внутриткачевую, выход и прорыв. При этом он не сказал ничего определенного о движущих силах такой трансформации. Не менее важно то, что он не смог связать эти реальные утопии с концепцией динамики капитализма, теории, которая могла бы объяснить их возникновение и направленность против капитализма. Чтобы спасти проект Райта, я обращаюсь к наследию Карла Поланьи и Карла Маркса.

> От Райта к Поланьи

Поланьи также находился под обаянием таких реальных утопий, как община Роберта Оуэна, кооперативное движение и зарождение социализма гильдий. Все они были укоренены в английских общественных движениях XIX в., выступающих против нерегулируемой коммодификации труда. Как мы увидим, реальные утопии Райта также можно рассматривать как протестные общественные движения. Менее ясным является их отношение к капитализму.

Поланьи считал фашизм, сталинизм и социал-демократию государственными реакциями на нерегулируемую маркетизацию. Но какова логическая связь между периодическим наступлением рыночного фундаментализма и капитализмом? Интересный ключ к ответу на этот вопрос дает известный Парадокс Поланьи – то, что он не сумел предвидеть наступление третьей волны маркетизации, начавшейся в 1970е годы, которую мы называем

неолиберализмом. Я называю этот процесс *третьей волной маркетизации*, потому что историческое объяснение Поланьи выделяет две волны маркетизации. Первая волна прокатилась в XIX веке, ее ядром является процесс коммодификации труда. Движущей силой второй волны маркетизации в XX веке стала коммодификация денег (финансовый капитал). Первая волна вызвала в качестве реакции общественные движения, вторая – привела к реакциям государства, одни из которых были прогрессивными, а другие - патологическими. Поланьи особенно беспокоил фашистский ответ на маркетизацию.

Поланьи надеялся, что человечество больше никогда не будет ставить эксперименты на основе рыночного фундаментализма. Человечество никогда более не допустит рисков, вызванных деструктивными последствиями нерегулируемых рынков, создающих так называемые «фиктивные мнимые товары» - труд, деньги и природу – товары, чья потребительская стоимость разрушается, когда становится предметом нерегулируемого обмена. Он был неправ. В 1970е годы начался еще один цикл маркетизации. Почему он не усмотрел такую возможность? Я думаю, это произошло потому, что Поланьи имел идеалистическое представление о рыночном фундаментализме – опасной утопии, которая возникла в головах интеллектуально заблудших либеральных экономистов.

Идеализм Поланьи проявляется также в его враждебности к марксистскому анализу капитализма – враждебности к законам развития капитализма и порожденной им классовой борьбы. По мнению Поланьи, Маркс переоценил возможности классовой борьбы, порожденной эксплуатацией. Действительно, в рассуждениях Маркса содержится *парадокс*: как возможна классовая борьба в условиях, когда эксплуатация не ощущается, а мифифицируется, а рабочие материально заинтересованы в максимальной экспансии капитализма?

Вместо того, что разрешить парадоксы марксизма, Поланьи предпочитает анализировать отчуждение при капитализме через призму понятия коммодификации, а не производства. Если по Марксу коммодификация служит мифификации эксплуатации в сфере производства, Поланьи полагает, что именно разрушительная сила коммодификации, в особенности «фиктивных товаров», создает отчуждение от владения и эмоциональную отчужденность. Совершая теоретический выбор в пользу понятия коммодификации, а не эксплуатации, Поланьи отказывается от марксистского понимания динамики капитализма и обращает внимание на рынки, а не на производство. Таким образом, он оставляет без внимания динамику капитализма, теорию капиталистического накопления и расхищения (a theory of (dis)accumulation). Поэтому он не понимает, что маркетизация укоренена в противоречивой экспансии капитализма как такового.

>>

Такой поворот аргумента заставляет нас вновь обратиться к Марксу.

> Возвращение от Поланьи к Марксу

Коммодификация не является случайной характеристикой капитализма, созданной заблуждающимися либеральными капиталистами. Напротив, это процесс, с помощью которого капитализм разрешает систематические кризисы перепроизводства и роста прибыли. Кризисы перепроизводства разрешаются в ходе поиска новых рынков, и это происходит не только на начальной стадии развития, но в течение всей истории этой формации и часто сопровождается большими дозами насилия. Мы можем представить империализм как извлечение сырья с помощью дешевой рабочей силы колоний, что создает новые рынки потребления. Иными словами, именно благодаря волнам маркетизации – экспансии коммодификации – капитализм преодолевает те самые кризисы, которые он создает. Именно поэтому движения против коммодификации могут бросить вызов капитализму: анти-коммодификация может быть антикапиталистической. Итак, если разрушительная сила капитализма отождествляется обществом с возвращающимися волнами коммодификации, то антикапиталистическая стратегия может быть направлена против коммодификации.

Маркс предлагает нам теорию динамики капитализма, которая показывает, что углубление коммодификации является необходимым условием выживания этой социально-экономической формации. Однако Маркс убежден, что сопротивление капитализму возникает именно в сфере производства. Он не понимает, что сама маркетизация, коммодификация всего сущего, является более мощным источником коллективного сопротивления. Если Маркс разрабатывает материалистическую теорию о неизбежной периодичности волн маркетизации при капитализме, Поланьи разрабатывает материалистическую теорию сопротивления капитализму как протеста против порожденной им маркетизации.

На основании идей Поланьи и Маркса мы можем по-новому посмотреть на проект Райта. В этой перспективе реальные утопии представляются проектами анти-коммодификации. Так, например, грант базового дохода, партисипаторное бюджетирование и общественные банковские практики бросают вызов коммодификации капитала. Википедия выступает против коммодификации знания, а сельские кооперативы угрожают коммодификации земли и труда. Таким образом, я полагаю, что именно коммодификация является объединяющей рамкой для различных реальных утопий. Они являются частью того, что Поланьи называет контрдвижением.

> Вопрос агентности

Маркс и марксизм сделали большую ошибку, отказавшись наполнить коммунизм институциональным содержанием и таким образом позволив любому режиму и общественному движению называть себя «коммунистическим». Реальные утопии Райта вносят важные кор-

рективы, исправляя это упущение, однако необходимо объединить эти проекты под одной рубрикой. Критика коммодификации, представленная в работах Поланьи, помогает выявить это единство, однако, он не усматривает связь между динамикой капитализма и следующими друг за другом волнами коммодификации. Даже если Маркс недооценивает разрушительный характер коммодификации, он, в конечном итоге, теоретически склеивает накрепко процесс накопления и маркетизацию. Однако этот теоретический синтез порождает новые проблемы.

Во-первых, как указывает Поланьи, антикоммодификация, т.е. так называемые контрдвижения, могут привести к победе авторитаризма и фашизма, жертвуя, таким образом, демократическим духом райтовских утопий. Но что может гарантировать демократический, а не авторитарный ответ на маркетизацию?

Во-вторых, Поланьи полагает, что если коммодификация будет угрожать обществу, оно непременно окажет сопротивление. Сегодня мы не можем быть уверены в такой реакции. Другими словами, теперь мы должны тревожиться не только о том, какую форму примет контрдвижение – авторитарную или демократическую – но и о том, случится ли это контрдвижение вообще.

В-третьих, если антикоммодификация становится формой декоммодификации, она может быть эффективной стратегией поглощения. Именно поэтому создание общества благосостояния может содействовать принятию капитализма, а не его преодолению. Возникает вопрос: при каких условиях антикоммодификация действительно становится антикапиталистической?

В-четвертых, маркетизация может идти гораздо дальше, чем коммодификация; она может изъять фиктивные товары и факторы производства из рыночного обращения, что приведет к производству отходов. Этот процесс я называю *экс-коммодификацией*. Коммодификация может привести к разрушению рабочей силы, земли, денег, знания и окружающей среды. Это особенно справедливо для третьей волны маркетизации, которая длится последние пятьдесят лет.

В-пятых, вызов современности заключается в том, что-бы поднять контрдвижения на глобальный уровень. В настоящее время контрдвижения, в основном, возникают на локальном и национальном уровнях; они не посягают на глобальную коммодификацию. Мы все еще имеем дело с реакциями на вторую волну маркетизации, хотя на самом деле переживаем третью волну маркетизации.

Все эти вопросы касаются ключевого вопроса о движущей силе протеста: кто станет коллективным актором, спасающим человечество от капитализма? Именно эту проблему Маркс, Поланьи и Райт оставили нерешенной. ■

Адрес для связи: <burawoy@berkeley.edu>

> Турецкая социология: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Н. Берил Озер Текин, Догус Университет, Турция; член ИС ЕСА «Социология здоровья и медицины» (ИС16)

Социология в Турции очень динамична по своему характеру; у нее есть некоторые специфические проблемы и сферы обсуждения. Наиболее обсуждаемыми проблемами являются гражданское общество, политика, социальная политика, проблемы окружающей среды, повседневность и потребление. Специфика развития социологии в Турции по сравнению с другими странами определяется ее уникальной культурой, социально-экономическими характеристиками, политической динамикой и институциональными особенностями; пандемия также оказала влияние на практики социологической работы. Поскольку пандемия привела к социально-экономическим трудностям, переживаемым различными сегментами общества, и изменила способы ведения бизнеса и практики повседневной жизни, все исследования, которые проводятся сейчас в Турции, учитывают влияние COVID-19 на социальные неравенства.

Статьи этого раздела помогают лучше понять социальную реальность Турции и социологические практики в этой стране.

Эш Телсерен в статье «Гендерное не/равенство и феминизм в Турции» представляет исторический обзор феминистского движения с его зарождения до наших дней. Она не только представляет исторический экскурс, но и выделяет современные проблемы, показывая как процессы, связанные с пандемией, усилили гендерный разрыв, привели к росту гендеризированного насилия и фемцида. Она утверждает, что пандемия выявила значимость женского труда - оплачиваемой и неоплачиваемой работы женщин.

Дикле Койлан в статье «COVID-19 и потребительские практики среднего класса Турции» обсуждает новые паттерны работы «белых воротничков». Статья посвящена изменениям, порожденным работой на дому, трудовой атмосфере и привычкам, росту ожиданий со стороны

менеджеров в отношении большей протяженности часов работы, увеличению стресса, росту давления на наемных работников и изменениями потребительских привычек.

В статье «Социология инвайронментализма в Турции» Озкан Озтюрк обсуждает историю отношения турецкого общества к проблемам окружающей среды. Он утверждает, что политика ПСИР (Партия Справедливости и Развития), которая сейчас находится у власти, привела к усугублению экологических проблем, которые в настоящее время затрагивают широкие слои общества, что очевидно на примере таких энергетических проектов, как строительство гидроэлектростанций. В связи с этим дискурс инвайронментализма находит отклик у многих людей, чему, несомненно, содействует и распространение интернета.

Илкнур Хасисофтоглу в статье «Женщины в турецких идеологических противостояниях» обсуждает гендерное неравенство. Она привлекает внимание к гендерному конструированию телесности в сфере спорта. Автор показывает, что, несмотря на продолжающуюся в политических дебатах инструментализацию женского тела, женщины борются за самостоятельное определение своей судьбы.

В статье «Пандемия и «цифровые иммигранты» в Турции» Н. Берил Озер Текин обсуждает рост эйджизма во время пандемии, а также значимость интернета и умных технологий в жизни людей старшего возраста, так называемых «цифровых иммигрантов». Она показывает, что исключение, социальная изоляция и степень неравенства могут быть уменьшены с помощью интернета.

Надеюсь, вам будет интересно читать статьи этого раздела! ■

Адрес для связи: <btekin@dogus.edu.tr>

> Гендерное не/равенство и феминизм в Турции

Эш Телсерен, Догус Университет, Турция и Лаборатория социально-политических изменений_Центра феминистских исследований, Парижский Университет, Франция

8 марта. Демонстрация в Турции. Во время пандемии уличный феминистский протест становится еще более значимым.

Будучи социальным конструктом, гендер отсылает к культурным, социальным, политическим и экономическим различиям в социальных ролях, которые изменяются во времени и пространстве. Конструированные социальными институтами в соответствии с социально-экономическими, культурными и политическими потребностями обществ, гендерные режимы детерминируют гендерные неравенства и иерархии в социально-экономических и политических структурах. Таким образом неравенства нельзя считать естественными или биологически заданными; они производятся обществом.

Гендерное равенство является одним из основных прав человека и предполагает равные шансы доступа к публичным, экономическим, политическим и социальным ресурсам и возможностям, независимо от гендера. Социолог Нилай Сабук Кайя определяет его как равное участие женщин и мужчин во всех аспектах социальной жизни¹. В этом контексте гендерное равенство воздействует на всех людей: цис- или трансгендерных, взрослых и детей и т.д. Таким образом, гендерное равенство не исчерпывается равным представительством мужчин и женщин в политической жизни и сильно связано с феминистским и ЛГБТК+ движением.

В Турции при существующей ситуации и структурных условиях достижение гендерного равенства требует искоренения всех практик, наносящих вред женщинам и людям ЛГБТК+, включая физическое, психологическое, экономическое и сексуальное насилие, феминизм, разрыв в оплате труда, гендерную дискриминацию и т.д. В этой статье обсуждается современное состояние гендерного не/равенства в современной Турции (конец 2021 г.).

> Краткая история гендерного не/равенства в Турции

Дискуссии и споры о гендерном не/равенстве (в основном в терминах равенства между полами) начались в Турции в период модернизации Османской Империи и основания Турецкой Республики. Как пишут Серпил Санкар и Айса Балат республиканские реформы 1920х и 1930х годов рассматривали женщин как символ модернизации и современного лица турецкого общества². Таким образом, трансформационная политика гендерного равенства была частью процессов модернизации или культурной трансформации, а не неотъемлемой чертой экономического и социального развития. Хотя в этот период приоритетом выступала семья как социальная структура, было принято несколько законов о равенстве мужчин и женщин, включая равенство перед законом и право голосования. Несмотря на эти реформы, гендерное равенство на социальном уровне не было достигнуто, и продолжала существовать гендерная асимметрия.

С конца 1980х гг. женские организации и феминистское движение стали играть существенную роль в продвижении гендерного равенства. Их существенные политические усилия и возрастающее участие в формировании политического и социального пейзажа становились все более очевидными. В 1990е годы в результате усилий феминистского движения женщины стали получать все больше правовой и социальной поддержки. Феминистки продолжали бороться за реализацию женских прав, таких как равный доступ к публичным, экономическим

>>

и политическим ресурсам, против насилия в отношении женщин и за рост политической репрезентации женщин в парламенте страны. В этот период феминистки стали обсуждать место женщин в семье и существующую патриархатную структуру. Они также фокусировали внимание на таких проблемах, как сексизм, мужское господство, домашнее насилие и неоплачиваемый домашний труд. Они уделяли особое внимание анализу патриархата и патриархатных политических, социальных и экономических систем. Благодаря их усилиям, возрастало общественное осознание проблем, вызванных гендерным неравенством, а также распространялась информация о ресурсах и механизмах решения этих проблем.

> Современные вызовы

В 1980е и 1990е годы наблюдался социальный и политический рост феминистского движения. В 2000е годы и позже казалось, что все женщины, независимо от вероисповедания, этничности, класса, сексуальной ориентации и возраста, которые считают патриархат и его социальные структуры проблемой, являются сторонниками феминистского движения. По словам Хилл-Коллинз (Hill-Collins 1990), гендер, класс и этничность являются наиболее неопределенными и политизированными социальными отношениями современного мира. Осмысливая дифференциацию женского опыта по критериям класса, сексуальной ориентации, возрасту, вероисповеданию, состоянию здоровья, гражданству и проч., феминистские исследователи продолжают систематически подвергать критике связь между сложно организованными отношениями власти и женским социальным и политическим опытом. Интерсекциональный характер феминистского движения в Турции может рассматриваться как истинная причина силы этого движения.

В 2000х гг. гендерная политика Турции соответствовала процессу сближения с Европейским Союзом, которое началось после саммита в Хельсинки в 1999 году. В этот период Турция достигла определенного прогресса в области прав женщин, включая поправки, внесенные в Уголовный и Гражданский Кодексы Турции и организацию Ассамблеи ООН, на которой была принята Стамбульская Конвенция. Турция стала первой страной, подписавшей Стамбульскую Конвенцию, первую европейскую конвенцию, целью которой стало избавление региона от насилия против женщин и домашнего насилия, независимо от сексуальной ориентации. Этот документ можно рассматривать как поддерживающий людей ЛГБТК+. Сразу после ратификации Конвенции в 2012 году Турция приняла соответствующий закон №. 6284.

Однако после 2012 года началась политика де-европеизации, и реформы затормозились. На этом этапе эгалитарный дискурс меняется на консервативный. Неолиберальные политики этого периода сопровождаются риторикой значимости семьи и семейной роли женщин,

которая является существенным инструментом реконсолидации патриархатных социальных структур. В 2021 году Турция стала первой страной, покинувшей Стамбульскую Конвенцию; это было сделано даже без одобрения Турецкой Великой Национальной Ассамблеи.

Несмотря на прогресс, достигнутый в последние десятилетия, многие гендерные проблемы продолжают существовать. К ним относится нехватка женщин в политике и в сфере оплачиваемой занятости, высокий процент безработных женщин, гендеризированное насилие и феминизм. Более того, пандемия COVID-19 оказала негативное влияние на гендерное равенство. Данные показывают, что пандемия привела к росту насилия в отношении женщин. Из-за локдаунов многие женщины были вынуждены находиться в небезопасных условиях и не могли воспользоваться помощью служб защиты.

В таких странах, как Турция, где общепринято традиционное стереотипное разделение труда и труд заботы в основном выполняется женщинами, а мужчина считается ответственным за обеспечение семьи, несмотря на существенные изменения и прогресс, достигнутый на практике, пандемия COVID-19 углубила гендерные разрывы и вызвала усугубление нагрузки женщин. Хотя недавние исследования³ показывают, что во время пандемии мужчины также больше стали заниматься домашним хозяйством, эти же исследования показали, что мужское участие в домашнем труде не привело к сокращению женской нагрузки. Как подчеркивает Мелда Яман (Melda Yaman)⁴, несмотря на то, что жизнь вне дома остановилась, женщины по-прежнему сочетали нагрузку оплачиваемого и неоплачиваемого труда, занимались воспроизводством рабочей силы и обеспечивали домашней заботой детей и пожилых членов семьи. Экономические последствия пандемии стали для них более тяжелыми, поскольку гораздо больше женщин заняты в ненадежных сегментах рынка труда. Все эти факторы делают позицию женщин в публичных и частных пространствах хрупкой и создают существенные препятствия для достижения гендерного равенства. ■

Адрес для связи: <telserena@dogus.edu.tr>

1. BBC News Türkçe, Toplumsal cinsiyet eşitliği nedir, Türkiye'de neden tartışma yaratıyor? <https://www.bbc.com/turkce/haberler-turkiye-49679143> (Интервью на турецком языке. Доступ 17 мая 2022).
2. Sancar, S. and Bulut, A. (2006) Turkey: Country Gender Profile, Final Report [Турция: гендерный профиль страны], https://www.jica.go.jp/english/our_work/thematic_issues/gender/background/pdf/e06tur.pdf (доступ 9 мая 2022).
3. Çm.İlkkaracan, İ. & Memiş, E. (2021) "Transformations in the gender gaps in paid and unpaid work during the COVID-19 pandemic: findings from Turkey. [Трансформации и гендерные разрывы в сфере оплачиваемого и неоплачиваемого труда во время пандемии COVID-19: данные исследований в Турции]" *Feminist Economics*. 27 (1-2), 288-309, <https://doi.org/10.1080/13545701.2020.1849764>, & Hızıroğlu-Aygün, A., Köksal, S. & Uysal, G. (2021) "Covid-19 pandemisinde toplumsal cinsiyet eşitsizliği: ev işlerini kim yaptı? Çocuklara kim baktı?". İstanbul Politikalar Merkezi. Sabancı Üniversitesi. <https://ipc.sabanciuniv.edu/Content/Images/CKeditOrlImages/20210401-19040880.pdf> (на турецком языке).
4. Yaman, M. (March 7, 2021) "Pandeminin içinden: kadınların yeniden üretim emeği." *Birgün*, <https://www.birgun.net/haber/pandeminin-icinden-kadinlari-yeniden-uretim-emeği-336621> (на турецком языке).

> COVID-19 и потребительские практики среднего класса в Турции

Дикле Койлан, Догус Университет, Турция

Ист.: Tran Mau Tri Tam, Creative Commons..

Пандемия COVID-19 трансформировала общества, институты и повседневность внезапно и очень быстро. Ограничения социальной жизни, вводимые странами всего мира, сделали понятие социальной дистанции и социальной изоляции частью повседневной жизни. Во всех сферах, где мы социально соприкасаемся, от бизнеса до досуговых практик, произошли реорганизации, изменившие рутину, стиль жизни и потребительские привычки.

Эти сдвиги стали особенно заметными для белых воротничков – представителей среднего класса, которые до пандемии рутинно ездили на работу, боролись с транспортными пробками, трудились в офисах определенное количество часов и постоянно посещали общественные места. Несомненно, COVID-19 повлиял на повседневную жизнь всех сегментов общества, но для белых воротничков изменения стали разительными, т.к. они стали работать из дома. Конечно такая трансформация работы, ставшая возможной благодаря усилиям цифровизации, предпринятым крупными фирмами и организациями, во время пандемии рассматривалась как роскошь. Этой возможностью могли воспользоваться средние и высшие классы, но не низшие классы.

Во время пандемии самыми уязвимыми группами населения в Турции были синие воротнички и медицинский персонал. Многие работники этих отраслей заняты на рабочих местах низкой квалификации, их труд низко оплачивается; они работают в плохих условиях. К таким категориям относятся водители по доставке, кассиры супермаркетов и строительные рабочие, которые с высокой степенью риска могут подхватить инфекцию. Их условия труда в принципе не предполагают цифровизацию, работу из дома, и потому для них трудовая жизнь не слишком изменилась во время COVID-19. С другой стороны, их социальная рутина, стиль жизни и потребительские привычки, включая такие практики, как встречи в кафе или участие в многолюдных свадьбах, конечно, также подверглись изменениям. Мы не должны забывать, что основные усилия капиталистического общества направлены на устойчивость работы, поэтому трудовая жизнь низших классов продолжалась, насколько это было возможно.

> Воздействие на белых воротничков

В отличие от высших классов и богатой элиты, которые переживали пандемию в своей обычной роскоши, низшие и средние классы полностью ощутили на себе ее

>>

негативный эффект. Меня особенно интересуют средние классы, а именно беловоротничковые работники. Хотя во время пандемии они не стали безработными, на их долю выпало немало испытаний. Однако их страдания не находят признания и даже игнорируются. Они столкнулись с трудностями в ходе дигитализации своей работы. Изменения условий труда и потребность в новых квалификационных навыках повлияло на весь их жизненный уклад.

Обычно белые воротнички работают в офисе, участвуют в очных встречах и совещаниях, действиях, предполагающих интеракции. Однако эти требования во время пандемии очень быстро изменились. Это было вызвано введенными в связи с пандемией запретами или ограничениями на человеческие взаимодействия лицом к лицу во всех сферах жизни, включая трудовые практики. Вследствие этого, работники беловоротничковых профессий, которые внезапно оказались заключенными в своих домах и старались адаптироваться к работе из дома, должны были по-новому выстроить свою повседневную жизнь, что массовым образом повлияло на потребительские привычки.

Не удивительно, что в контексте социальной изоляции люди в основном были замкнуты в своих жилищах и их потребление снизилось. Ограничения и локдауны снижают видимость людей в публичном пространстве. Люди реже выходят из дома для встреч или чтобы поесть, посетить свадьбу, повидаться с другом или пройтись по шопингу моллу. Это означает, что практики роскоши и показного потребления (расходы на приобретение предметов роскоши и соответствующие услуги для публичной демонстрации экономической власти) также стали менее заметны. Люди обычно не покупают дорогую одежду, туфли на высоких каблуках, роскошные духи или косметику,

если они не выходят из дому. Если их никто не может увидеть в публичной сфере, на торговой улице, в офисе или на площади, они в тенденции не поддаются показному потреблению. Если нет возможностей публичной демонстрации, показное потребление не работает.

Еще одно открытие, касающееся трансформации повседневности и потребительских привычек касается различию работы и дома. Во время пандемии рабочим местом стала комната в жилище. Рабочее время и досуг также сблизились как никогда – границы между офисным пространством и офисными часами, с одной стороны, и домом и досугом, с другой, стали размытыми. Дом стал эпицентром, охватывающим всю жизнь. В результате пересечения работы и домашней жизни в семейных отношениях белых воротничков возникли серьезные трудности. Переход от работы в офисе к работе из дома означает, что люди должны быть готовы работать в любое время. Работники отмечали, что, начиная с пандемии, их руководители и менеджеры стали посылать им электронные сообщения даже ночью и ожидали немедленного ответа. Ожидания менеджеров изменились – они хотят, чтобы работник был готов в любое время выполнить любое задание: участвовать в совещании, создавать планы маркетинга, готовить отчеты и проч. Неопределенность часов работы приводила к проблемам частной жизни. Работники не могли строить планы на проведение досуга с членами семьи, встречу с друзьями или просмотр видео программ в режиме реального времени. Это привело к нехватке мотивации и росту показателей стресса и депрессии.

В целом пандемия COVID-19 оказала непосредственное влияние на повседневную жизнь и потребительские привычки беловоротничковых профессионалов Стамбула. ■

Адрес для связи: <dkoylan@dogus.edu.tr>

> Социология окружающей среды в Турции

Озкан Озтюрк, Университет Карабюка, Турция

Инвайронментализм может преодолеть разрыв между экологическим движением и мобилизацией гражданского общества против авторитарного режима. Ист.: congerdesign/Pixabay, Creative Commons.

Инвайронментализм в Турции изменялся в ходе социальной трансформации и под воздействием политики. На трансформацию инвайронментализма существенно повлияла борьба за развитие гражданского общества, политические дискуссии, идеологические формы неолиберализма и социальные разделения, созданные классовой дифференциацией.

Хотя проблематизация окружающей среды в Турции начинается в конце 1970х годов, возникновение организованного инвайронментализма стало возможным лишь в 1980е годы. На первом этапе организованного инвайронментализма были разрушены психологические барьеры социальной организации, которые установились в результате военного переворота 1980 г. Тогда же формировалась новая политическая база движения, что стало возможным благодаря воссозданию языка протеста 1970 х гг., который связывал проблемы окружающей среды с политикой и экономикой. Дискурс защиты окружающей среды предлагающий интегративную повестку, выходящую за рамки политического языка того времени, наиболее выразительно представлен Зеленой партией. Однако эта инициатива была краткосрочной, т.к. ранний инвайронментализм, хотя и содержал инновационные подходы, был ограничен узкой практикой среднего класса, и его повестка не привлекала массы. После этой

неудачной попытки политизации дискурс инвайронментализма производился в разных формах неправительственными экологическими организациями.

> 1990е: институционализация инвайронментализма

В 1990е годы инвайронментализм стал компонентом гражданского общества; ценности защиты окружающей среды были интегрированы в ценности среднего класса, и этот дискурс стал значимым в публичной сфере. В этот период экологические организации вышли за пределы социальной повестки и выступили с политическими требованиями в сфере решения проблем окружающей среды. Вместе с другими организациями развивающегося гражданского общества инвайронментализм выступал против государственной власти. Существенное влияние инвайронментализма на гражданское общество объясняется двумя причинами. Во-первых, социальный образ инвайронментализма как неполитической повестки позволил деполитизированным в результате военного переворота людям примкнуть к общественной организации. Во-вторых, дискурс о потенциальных рисках запланированной ядерной станции в сочетании с обсуждением промышленных загрязнений и отходов ТЭЦ показал, что проблемы окружающей среды являются не региональ-

Протест защитников окружающей среды в Турции. Авт.: Озкан Озтюрк.

ными, а общенациональными по своему масштабу, и это привело к ускорению социального распространения экологического дискурса. Так, например, протесты на шахтах золотодобычи в Бергаме – наиболее известное экологическое движение этого времени – содействовали распространению экологического дискурса среди представителей среднего класса. В этот период средний класс становится социальной базой инвайронментализма, и она сохраняется и по сей день.

Деятельность на площадках гражданского общества способствовала формированию различных экологических организаций и развитию различных взглядов на защиту окружающей среды. Этот период, который можно назвать этапом институционализации, заложил основания для развития особых интересов экологических организаций, которые вовлекались в различные социальные процессы. Экологические НПО занимались такими различными проблемами, как сельское хозяйство, защита природы, борьба с загрязнениями, и это способствовало росту общественного осознания и интереса к окружающей среде в образовательной деятельности и в практической деятельности. Особое внимание уделялось росту сознания с помощью образовательных проектов для детей и молодежи, что в последующие годы способствовало осознанию экологических проблем у взрослого населения.

В этот период наблюдалась не только институционализация неправительственных экологических организаций, но и усиление влияния политических движений в защиту окружающей среды. Экологические движения, финансовые ресурсы которых, а значит и средства пропаганды, были гораздо меньше, чем у организаций институционализированного инвайронментализма, продолжали делать упор на политическом измерении экологических проблем; они создавали объединенные рабочие группы и проводили местные демонстрации протеста, озвучивая локальные проблемы. Общей задачей протестных экологических движений и институционального инвайронментализма, стремящегося деполитизировать свою активность, было привлечение внимания широкой общественности к проблемам окружающей среды.

> 2000е: профессионализация инвайронментализма

Процесс институционализации, который достиг своего пика в 1990е годы, создал новые условия для инвайронментализма 2000х годов. По сравнению с 1990ми гг. повестка экологических организаций стала более конкретной, цели более артикулированными; к тому же они разрабатывали инструменты достижения этих целей. В результате процесса, который можно назвать профессионализацией, экологические организации прояснили свои политические и экономические программы, а также концептуальную структуру своей идеологической позиции. При этом многие новые экологические организации, созданные в тени больших промышленных компаний, занимались пропагандой прирученного инвайронментализма, совместимого с современными экономическими и политическими практиками капитала. Подобное отношение к инвайронментализму характерно не только для организаций, работающих под контролем крупных компаний. В середине 2000х гг., когда к власти пришла Партия Справедливости и Развития (ПСИР), консерваторы и религиозные организации, стремясь усилить свое социальное влияние, создали экологические организации в рамках религиозно - природоохранного дискурса. Отсылки к религиозному дискурсу предполагали скорее примирение с существующей конъюнктурой, нежели решение проблем защиты окружающей среды, которая рассматривается как общее благо.

В 2000е годы произошло также расширение социальной базы инвайронментализма за счет поддержки низших классов. Новые коммуникационные технологии, такие как интернет, сыграли значительную роль в распространении экологических дискурсов и расширении его социальной базы. Однако еще важнее то, что большая социальная группа стала непосредственно вовлекаться в проблемы окружающей среды, поскольку экологическая политика авторитарной ПСИР постоянно создает и углубляет эти проблемы и ничего не делает для их решения. Ущерб, вызванный строительством гидроэлектростанций, дорогам и сотням деревень, или гибель национальных парков, вызванная добывающей промышленностью, - все это привело к тому, что местные жители столкнулись непосредственно с проблемами окружающей среды, обостряющимися политикой авторитаризма.

Массовое столкновение людей с экологическими проблемами способствует росту значения инвайронментального дискурса в гражданском обществе и политике. В каком-то смысле инвайронментализм выполняет роль борца с авторитарной политикой и экологическими разрушениями. Сводить эту роль исключительно к политической повестке было бы неверно, поскольку в Турции социальный профиль инвайронментализма формировался не только в ходе прямой политической борьбы, но и благодаря гражданским инициативам, вдохновленным демократическими ценностями и содействующим росту экологического сознания с помощью образовательных программ. ■

Адрес для связи: <ozkanozturk@karabuk.edu.tr>

> Женщины

в турецких идеологических противостояниях

Илкнур Хасисофтаоглу, Билги Университет Стамбула, Турция

Плакат против политики регулирования женского тела. «Женский Марш» во Франкфурте-на-Майне, 2017 г. Ист.: Wikimedia Commons.

Как и в других странах, в Турции на всем протяжении ее истории в центре политических дебатов находятся женские тела. В этой статье я проанализирую различные политические конфликты, при которых женские тела становились камнем преткновения.

В ранний период строительства Турецкой республики в начале XX века режим сформулировал понятие «новой женщины». Эта формула охватывала и социальный статус женщины, и ее телесные практики (одежда, занятия спортом и физическими упражнениями). Женщины должны были выполнять свои обязанности в отношении турецкой нации, следуя таким телесным практикам.

В молодой республике при обсуждении ценностей одним из ключевых тем раскола был конфликт между

цивилизацией и культурой. Интеллектуалы и основатели нового режима утверждали, что в ходе модернизации в страну придет цивилизация, которую они отождествляли с Западом. Однако при этом чрезвычайно значимым был вопрос о том, как сохранить культуру, которая представляла самобытность и уникальность страны. В этом антагонистическом противостоянии женщина позиционировалась одновременно в контексте отличия от Запада и схождения с Западом. На смену «женщинам прошлого», чей доступ в публичное пространство контролировался очень жесткими правилами, пришли «новые женщины», которые обрели равные с мужчинами права перед законом, но при этом все еще выполняли традиционные домашние роли.

Как утверждает Солак в своей статье «Гражданство в Турции между секуляризмом и исламизмом», каждая турецкая женщина - гражданка молодой республики - должна была соответствовать некоторому набору символов, образов и ритуалов, представляющих «идеал» и «цивилизованность», находящих выражение в ее телесном облике. Новые женщины наиболее явно были представлены в сфере спортивных достижений. Самые Сахид Моркая - первая турецкая автогонщица, а также Халет Самбел и Суат Фетгери, которые были первыми женщинами из мусульманских стран, которые приняли участие в берлинских Олимпийских играх 1936 года, стали символами новой женственности этого периода.

> Исламизм, секуляризм и борьба за женские тела

В период между 1950 и 1980 гг. положение женщин в обществе не было значимым вопросом общественного обсуждения и государственной политики. Однако после военного переворота 1980 года, в ходе которого произошла существенная трансформация политического режима Турции, наблюдался рост женского движения. Насид Бербер отмечает, что «независимое феминистское движение стало «революционным» движением (по словам Севги Чубукчу); оно не ограничивало свою повестку равенством полов перед законом, а утверждало, что гендерное равенство, декларированное кемализмом, является иллюзией и продвигало радикальные требования фундаментальных изменений».

После 1980 г. возникло также исламское движение. Оно отстаивало свои интересы в поле, которое было открыто во время военного режима; в 1990е годы его вли-

яние усилилось. После 1990х это было признанное оппозиционное движение, обладающее устойчивой позицией и политической программой. И снова при обсуждении вопроса о хиджабе в центре конфликта, расколовшего общество, оказались тела женщин. Женский платок был значимым элементом риторики исламистов, гегемонная власть того времени рассматривала его как символ ислама, как образ, воплощающий антисекуляризм. В этот период женщинам на работе и в общественных учреждениях, например, в школах и министерствах, не позволялось носить платки.

Растущее женское движение оказало влияние на исламское движение. Женщины активно участвовали в исламском движении, особенно на уровне исламской политики. В центре жарких дискуссий было право на ношение хиджаба в публичном пространстве. В 2002 к власти пришла ПСИР, исламская партия. Значимой частью ее риторики была борьба женщин за право носить хиджаб в общественных местах. Сторонники партии строили свой дискурс на свободе женщин носить платок, обсуждали этот вопрос, обращаясь к аргументу о праве женщин делать со своими телами то, что они хотят. Если в ранний республиканский период риторика была основана на противопоставлении цивилизации и культуры, нынешний конфликт основан на противопоставлении идеологии светского общества и ислама; в обоих случаях женские тела использовались как образы, представляющие эти противостояния.

Подъем исламского движения в последующие годы придал дискуссиям о женском теле новые смыслы. Теперь дискуссия не ограничивается проблемой платка. Некоторые исламистские лидеры общественного мнения призывают женщин демонстрировать свои исламские ценности на телесном уровне. Гарантии женских прав, соблюдение которых требует женское движение, снова стали предметом противостояния. Одним из достижений этого периода стала Стамбульская Конвенция 2011 года, целью которой является защита женщин от всех форм насилия, профилактика, наказание и искоренение насилия против женщин и гендеризированного насилия в целом. После многомесячной кампании, во главе которой стояли проправительственные СМИ, Турция, которая в 2012 году не выражала никаких колебаний по поводу подписания Конвенции, объявила, что у нее есть сомнения на этот счет и вышла из списка подписантов в 2021 году. На самом деле дебаты вокруг Стамбульской Конвенции отражают напряженность обсуждения прав женщин в Турции в различных сферах общественной жизни. Хотя гомофобия и была наиболее значимой темой дискуссий, стало очевидным, что политический дискурс, озабоченный изменениями традиционной позиции женщин, призвал освобожденных женщин вновь вернуться к домашнему очагу.

> Спортсменки как символы

Еще не остыли дебаты по поводу отказа Турции от участия в Стамбульской Конвенции, как начались летние Олимпийские Игры в Токио. Со стороны Турции в них приняли участие в равных пропорциях и мужчины, и женщины. Турецкая женская волейбольная команда *Filenin Sultanları* («Султанши сетки»), хотя и не получила медали, но привлекала внимание публики. Причиной такого интереса, наряду с прочим, стало то, что успех команды на международной арене приобрел особый смысл благодаря твиту, который запостил один из исламистских лидеров общественного мнения в социальных медиа¹. Это сообщение призывало исламских девушек не уподобляться спортсменкам из женских волейбольных команд, которые являются частью массовой культуры, а быть образцами скромности и пристойности. Эти же волейболистки стали символами современной Турции для светских граждан страны. Таким образом, в ходе исламско-секулярного дебата женская волейбольная команда приобрела символическое значение, а женское тело снова было использовано как инструмент и приобрело символическое значение.

Во время этих дискуссий одна из самых успешных волейболисток разместила в Инстаграме свою фотографию вместе с подругой. Этот жест вызвал гомофобную реакцию. Таким образом вновь стала видимой поляризация между теми, кто защищал спортсменку, опираясь на антидискриминационный дискурс, и теми, кто позиционировал ее как символ моральной испорченности. Тем не менее, сразу после завершения Олимпийских Игр состоялся Женский Европейский чемпионат по волейболу, на котором турецкая команда стала одним из фаворитов. В результате Турецкая Волейбольная Федерация, институция, аффилированная с правительством, выступила с заявлением, в котором поддержала спортсменку, отметив, что частная жизнь человека является его личным делом, и общественный интерес представляют только спортивные достижения спортсменов и их вклад в успех команды. Вскоре после описанных событий спортсменка перешла играть в итальянскую волейбольную команду. Как и в других случаях обсуждения сексуальной идентичности спортсменов, скоро воцарилось молчание, и вопрос был закрыт. Такая динамика дискурса описана в статье Пэт Гриффин «Changing the Game: Homophobia, Sexism, and Lesbians in Sport» [Изменение правил игры: гомофобия, сексизм и лесбиянки на спортивной арене].

В настоящее время, что подтверждает Кэш Тел Серен в своей статье в этом же выпуске ГД, хотя инструментализация женского тела по-прежнему пронизывает политические дебаты, женщины продолжают бороться за то, чтобы самостоятельно определять свою судьбу. ■

Адрес для связи: <ilknur.hacisoftaoglu@bilgi.edu.tr>

1. На турецком языке: <https://twitter.com/ihsansenocak/status/1419296320267997187>

> Пандемия и «цифровые иммигранты» в Турции

Н. Берилл Озер Текин, Университет Догус, Турция, член ИС ЕСА «Социология здоровья и медицины» (ИС16)

Цифровые мигранты и цифровые устройства во время пандемии. Ист.: Oleg Volovik, Creative Commons.

Пандемия COVID-19 повлияла на Турцию, как и на весь мир, и привела к серьезным социально-экономическим последствиям в различных сегментах общества. Пожилые люди (в возрасте 65+), которые были обозначены как наиболее уязвимая возрастная группа, пострадали от пандемии иначе, чем другие социальные категории. С ростом воздействия пандемии возрастал эйджизм и характерная для него атмосфера страха (на что указывал Батлер (Butler 1969). Эйджизм представляет собой дискриминацию по возрастному критерию. Хотя этот термин напоминает нам понятие «расизм», но он иной по смыслу – все люди стареют! Эта статья рассказывает об опыте людей старшего возраста во время ковидных ограничений и, прежде всего, о том, как они использовали возможности цифровизации.

Согласно данным ООН, в мире 703 миллиона людей в возрасте 65+. Прогнозы указывают, что к 2020 году численность этой возрастной категории возрастет в два раза и достигнет 1.5 миллиарда. Турция стареет в два раза быстрее, чем европейские страны, при этом социальные услуги и сфера занятости не учитывают этой тенденции. Принимая во внимание «поседение» населения, необходимо проводить больше исследований старения в Турции и во всем мире.

> Старшие поколения как «цифровые иммигранты»

В 21 веке наблюдается быстрый рост цифровизации, растет число пользователей интернета, и многие социальные услуги предоставляются онлайн. Однако далеко не все индивиды обладают доступом к цифровым технологиям. Кроме экономических и образовательных переменных, возраст также является фактором, ограничивающим доступ. Термин «цифровые иммигранты» (Prensky, 2001) подчеркивает сложности, с которыми сталкиваются люди старшего возраста, когда они вступают в цифровой мир. Это термин обозначает поколение, родившееся до того, как компьютерные технологии получили широкое распространение и тех, кто столкнулся с этими технологиями в позднем возрасте. Их жизнь контрастирует с опытом «цифровых аборигенов» – детей или внуков цифровых иммигрантов, которые родились в одно время с новыми технологиями. Цифровые иммигранты стали совершенствовать свои навыки использования этих технологий, опираясь на помощь аборигенов цифрового мира.

Данные Турецкого Института Статистики (TURKSTAT, 2020) показывают, что в Турции использование инфор-

мационных технологий людьми в возрасте 65-74 существенно возросло. Процент пожилых пользователей вырос с 6% до 27%. Наиболее часто они пользуются смартфонами (Binark et al., 2020), 57% женщин и 60% мужчин в Турции пользуются этими устройствами для доступа в интернет.

Граждане старшего возраста стали свидетелями колоссальных изменений в сфере медиа и коммуникаций; они начали с газет и радио, а за тем последовали смартфоны, умное ТВ и сенсорные экраны. Поколение, которое раньше посылало письма по почте и пользовалось стационарными телефонами, старается адаптироваться к новой эпохе, в которой выросли информационные потоки и скорость коммуникации. Благодаря цифровизации пожилые люди могут обрести пространство свободы и радости во время ограничений, наложенных на их действия во время пандемии. С другой стороны, цифровые платформы порождают негативные эффекты, например информационное загрязнение, дезинформацию, мошенничество и использование некорректного языка.

> Пожилые цифровые пользователи во время пандемии

Участие старших поколений в процессе цифровизации возросло в период пандемии. На них были наложены такие жесткие ограничения, как запрет покидать место жительства (22 марта 2020 г.), пользоваться общественным транспортом (ноябрь 2020 г.). Последний запрет вызвал множество проблем повседневной жизни, особенно для тех, кто не мог пользоваться такси или частными машинами. Пандемия усилила их и без того существенную психологическую и физиологическую хрупкость. Несмотря на то, что они должны принимать лекарства по многим показателям здоровья (высокое давление, сердечнососудистые заболевания, болезни почек и кровообращения), они не могли посещать врачей, чтобы контролировать состояние своего здоровья и регулировать дозировки медикаментов.

В турецком обществе, к большому сожалению, пожилые люди сталкиваются со стигматизацией и дискриминацией и являются жертвами негативных стереотипов и лейблинга. Кроме проблем, связанных со здоровьем и психологическим состоянием, они переживают последствия дискриминирующего языка, что заставляет их чувствовать себя изолированными и исключенными из общественной жизни. В эти трудные времена наибольшую

социальную и психологическую поддержку им оказывали члены семьи и, прежде всего, их дети; негативные эффекты могут переживаться ими в течение многих лет. Кроме ограничений, наложенных правительством, взрослые дети также ограничивали привычные практики своих пожилых родителей, препятствовали посещению магазинов, соседей или друзей. Давление и контроль усиливали страхи и тревожность пожилых людей. Они перестали очно общаться с соседями и друзьями, дети совершали за них покупки или они стали затовариваться онлайн. Это привело к более частому использованию интернета уже не для покупок, а с другими целями, например для видео коммуникации онлайн и общения с друзьями. Такие приложения, как Facebook, Instagram, Twitter, YouTube и WhatsApp наиболее часто использовались пожилыми во время пандемии.

Во время пандемии пожилые освоили такие стратегии совладания, как физические упражнения, прогулки, онлайн серфинг, кинопросмотры, хобби (чтение, шитье, медитация, участие в онлайн образовательных программах). Эти занятия позволили им защитить свое психологическое и физическое здоровье. И хотя большая часть пожилых людей раньше не посвящала время прогулкам, во время ограничений они освоили эту практику и превратили ее в постоянную.

Наконец, необходимо отметить, что во время пандемии новые медиа и интернет стали важными буферными механизмами. Интернет и социальные сети выполняют важную функцию, помогая пожилым совладать со своими проблемами и обеспечивая их возможностями социализации и развлечениями. Исследования показали, что пожилые эффективно пользовались интернетом, чему способствовали образование, а также экономические и социальные факторы. Новые технологии играют ключевую роль в процессе активного старения, способствуют облегчению повседневных тягот и помогают вести здоровую независимую жизнь. Необходимо учитывать, что во время пандемии для таких уязвимых групп, как пожилые, женщины и бедные, существующие неравенства усилились; необходимо обеспечить представителей этих групп интернет подписками, экономической помощью для получения смарт-устройств и обучать их использованию онлайн возможностей в соответствующих институтах. ■

Адрес для связи: <btekin@dogus.edu.tr>

> Как перейти от сверхглобализации к устойчивому сотрудничеству?

Ханс-Юрген Урбан, Профсоюз металлургов и Университет Фридриха Шиллера, Йена, Германия

Негативные влияния капиталистической «сверхглобализации» (Дэни Родрик) на общество и экологию стали предметом многих социологических исследований во всем мире. Особое внимание этой проблематике уделяют исследователи капиталистического способа производства, который порождает различные условия труда и формирует, глобальные цепочки поставок и стоимостные цепочки рабочей силы. В этих цепочках обычно господствуют транснациональные корпорации, штаб-квартиры которых расположены в государствах капиталистического Севера, а их поставщики - на Глобальном Юге.

> Асимметрия глобальных цепочек поставок

Глобальные исследования продемонстрировали массовое нарушение основных стандартов Международной Организации Труда (МОТ) и базовых прав человека в отношении условий труда, воспроизводящееся в этих цепочках. Данные подтверждают тренд ухудшения условий труда и увеличения рисков здоровья на пути следования от первичных производителей оборудования (ППО) на капиталистическом Севере к производителям промежуточной продукции (поставщикам) на Глобальном Юге. Эта географическая асимметрия сопровождается различными экологическими факторами, которые вызывают угрозы здоровью.

Переход от сверхглобализации к устойчивому развитию не может успешно осуществиться без уничтожения этого явного несоответствия между реальными условиями работы и правовыми/этическими нормами. В связи с этим асимметричная структура распределения трудовой нагрузки и рисков здоровья постоянно становится исходным мотивом протеста работников и инициатив профсоюзов по совершенствованию условий труда. Однако изменения в этом отношении трудно достижимы, поскольку асимметричное распределение нагрузки соответствует неравному распределению доходов и затрат. Экономические преимущества бесперебойных поставок и производства сконцентрированы в странах капиталистического Севера, где находятся владельцы ППО. Таким образом создаются преимущества для тех, кто обладает глобальным могуществом и привилегиями. На сегодняшний день только в нескольких случаях удалось выстроить профсоюзные структуры управления в цепочках поста-

вок или убедить правительства государств метрополии принять эффективные социальные и экологические правила.

> Наступил ли переломный момент капиталистической глобализации?

Однако Великий финансовый кризис 2008 года и глобальная пандемия COVID-19 сделали очевидными темную сторону сверхглобализации даже для тех, кто получает от нее выгоду. Возрождение некоординированного «дикого протекционизма» разорвало глобальные цепочки поставок и процесс создания стоимости. Резко прекратили свою деятельность рынки продаж, а нехватка первичных продуктов привела к сбоям в производстве. Хотя в некоторых случаях обнаружены новые поставщики и открыты альтернативные регионы продаж, рост затрат на налаживание новых поставок и дополнительное развитие рынка оказали существенное давление на прибыли.

Проявилась и вторая тенденция. В капиталистических метрополиях сегментация и прекаризация зависимой доходной занятости привели к росту зон незащищенных позиций на рынке труда. Они существуют в форме самозанятости или оплачиваемой работы и характеризуются различной степенью уязвимости в отношении содержания труда, рисков здоровья или экологических нагрузок. В Германии во время пандемии эта тенденция проявилась на примере скандальных условий труда работников юго-восточной Европы в мясной отрасли. Здесь отсутствовали даже те минимальные правила гигиенической и инфекционной защиты, которых добились у немецкой легислатуры профсоюзы. Освещение эти незаконных и негуманных условий в медиа оказало существенное давление на корпоративных и политических акторов, несущих ответственность за такое удручающее положение дел.

Третье изменение заключается в европейской правовой интервенции, которая наложила новые обязательства должной осмотрительности на корпорации, управляющие офисы которых находятся в Европе. Этот шаг мог бы позитивно отразиться на условиях труда поставщиков с Юга. Так называемый Закон о цепочках поставок ("Lieferkettensorgfaltspflicht-Gesetz") был принят в Германии под давлением социального альянса. В 2021 году Ев-

“До сих пор лишь в нескольких случаях на пути цепочек поставок удалось создать влиятельные профсоюзные организации или убедить правительства стран-метрополий ввести эффективные социальные и экологические правила”

ропейский Парламент одобрил проект Директив о Корпоративной должной осмотрительности и корпоративной ответственности. Даже если эффективность этих правил не очевидна, они могут положить начало для дальнейших инициатив компаний и профсоюзов.

Уязвимость глобальных цепочек поставок, проявившаяся снова во время пандемии, стала предметом дискуссии о рисках и рациональности перегруженной глобализации. Немецкий экономист Себастьян Даллиен задается вопросом, не перестала ли глобализация производства быть оптимальной и компенсирует ли предельная полезность дальнейшей глобализации те риски, которые она вызывает. Массовый ущерб и страдания, вызванные финансовым кризисом и пандемией Короны, особенно на Глобальном Юге, заставили профсоюзы и других акторов поставить перед собой задачу идентификации возможных изменений хода – направления – глобализации. Затраты на все более хрупкую глобализацию, повышенная сензитивность к сверхэксплуатации трудовых мигрантов и инициативы по усилению социальной ответственности транснациональных корпораций – все это создает новые условия для действий, направленных на социальное и экологическое регулирование глобальной экономики.

> Исследовательские направления глобальной публичной социологии

Какое значение имеют все эти изменения для глобального диалога социологов? Каким образом критическая социальная наука может содействовать улучшению условий труда в этой исторической ситуации? Во-первых, исследователи в странах, где расположены глобальные стоимостные цепочки, должны договориться об общесоциологическом понимании и общих направлениях исследований. Идея глобальной публичной социологии, развиваемая Майклом Буравым, нашла поддержку во многих исследованиях и может стать подходящим основанием для выполнения этой задачи. В рамках социологии труда полезно развивать исследования экологии работы. Необходимо проводить исследования, посвященные интересам, стратегиям и препятствиям реализации социально-экологических нормативов и минимальных стандартов работы на пути глобальных стоимостных цепочек.

Для изучения взаимосвязи экономических, экологических и правовых проблем необходимо проводить междисциплинарные исследования, объединяющие подходы политэкономии, социально-экономических исследований и парадигмы прав человека. Различные стороны устойчивого воспроизводства рабочей силы, общества и природы должны изучаться на основе общей исследовательской программы. Такой программе могут положить начало исследования, посвященные *инвайронментализму рабочего класса* или *инвайроменталистские исследования трудовых отношений*.

Необходимо также развивать исследования в сфере социологии организаций. На сегодняшний день попытки объединить ресурсы национальных профсоюзов и создать транснациональные зонтичные организации были unsuccessful. Усилия по созданию профсоюзных структур на пути размещения глобальных стоимостных цепочек также столкнулись с серьезными препятствиями, среди которых недостаток финансовых и человеческих ресурсов (особенно в профсоюзах Юга и на уровне отдельных компаний) и культурный раскол, подпитанный национальными и профсоюзными традициями. Исследования должны показать, способен ли сходный опыт переживания эффектов сверхглобализации способствовать совместному созданию стратегии.

> Прогноз

Социологические исследования показали, что переход от сверхглобализации к режиму устойчивого сотрудничества тормозится не столько нехваткой знания, сколько структурами интересов и власти. Такое положение дел нельзя изменить усилиями исследователей. Тем не менее, рост сомнений в рациональности производства и связей, создающих добавленную стоимость в условиях глобального капитализма, может открыть окно возможностей. Если глобальная социология будет сопровождать это новое осознание своими критическими исследованиями, возникнут новые поля сотрудничества и новые возможности для глобальной публичной социологии. ■

Адрес для связи: <Hans-Juergen.Urban@igmetall.de>

> Природа возвращается:

объект мирового наследия ЮНЕСКО Металлургический завод в Фёльклингене

Металлургический завод в Фёльклингене ([Völklinger Hütte](#)) – это единственное сохранившееся металлургическое предприятие промышленной эпохи и объект мирового наследия ЮНЕСКО. На его примере мы видим, как природа возвращается туда, где раньше кипело производство.

Авт. Макс Ауленбахер. Фотографии публикуются с разрешения Отдела коммуникаций, медиа и печати объекта мирового наследия Юнеско Металлургического завода в Фёльклингене. ■

Адрес для связи: <max.aulenbacher@t-online.de>

> Зачем смотреть вверх?

Карл Поланьи о правом «популизме»

Санг Хун Лим, Университет Куинг Хи, Южная Корея

Ист.: Ivan Radic/[flickr](#).

Недавний подъем радикальной правой политики часто интерпретируется как популистское движение социальной защиты, представляющее интересы тех, кто оставлен за бортом неолиберальной глобализацией. Социальные критики оппонируют прогрессивным политикам и интеллектуалам, которые признали рыночную экономику под именем «третьего пути», и сконцентрировались на политике идентичности в отношении гендера и этничности, игнорируя при этом социально-экономические классовые неравенства. В качестве решения они предлагают «левый популизм», переключая таким образом низший средний и рабочий классы от радикальной правой риторики к более открытому и эгалитарному прогрессивному популизму.

Моя статья в журнале *Current Sociology*, 2021 [“Look Up Rather Than Down,”](#) [Более внимательно смотрите вверх, чем вниз] посвящена разоблачению представлений о том, что обезумевший «народ» виноват в подъеме правой политики. Обозначение радикально правового движения как популистского не может объяснить того факта, что многие «элиты» высшего и среднего классов также поддерживает радикальные правые партии и их программы, и что самые радикальные правые партии поддерживает неолиберальную этику труда. Правые обвиняют получателей социальной поддержки, независимо от их национальности. Для понимания загадки радикальной правой политики крайне интересны размышления

Карла Поланьи (1886-1964) о фашизме, посвященные межвоенному периоду. Как хорошо известно, Поланьи критиковал современную капиталистическую рыночную экономику. Объясняя развитие (как и коллапс, с его точки зрения) современной капиталистической цивилизации, он обращается к идее «двойного движения» – конфликта между прогрессом саморегулирующегося рынка и контрдвижениями социальной защиты. Соответственно, исследователи, следующие логике Поланьи, часто интерпретируют политику крайне правых как массовое социально-защитное движение против ущерба, нанесенного капитализмом. Сам Поланьи рассматривал фашизм как экстремистское движение капиталистических элит в защиту саморегулирующейся рыночной экономики.

> Двойное движение Карла Поланьи и фашизм

Поланьи утверждает, что либеральные экономисты и капиталисты стараются оградить экономику от вмешательства «масс». Саморегулирующийся рынок посягает на основы человеческой и социальной жизни с помощью коммодификации труда, земли и денег. Вполне вероятно, что те, кто лишился средств существования и социальных отношений в результате этой «фиктивной коммодификации», хотя и защитит себя от саморегулирующегося рынка. Те, кто хочет защитить саморегулирующийся рынок, утверждает, что протекционистское влияние масс на экономику является отклонением от «естественного» функци-

>>

онирования рынка, ведет к низкой производительности и, в конце концов, к мальтузианскому коллапсу.

Исторически капиталисты нашли компромисс между защитой свободного рынка и демократической политикой. Однако резкий спад экономики приводит к росту давления демократических сил и к патовой ситуации между двумя сторонами. Такова была ситуация во время Великой Депрессии 1930х годов. Фашизм возник как «простой выход» - спасение капиталистической рыночной экономики с помощью разрушения демократии и преобразования индивидуалистической модели капитализма в корпоративистскую систему дисциплинирования людей для обеспечения их продуктивного вклада в производство «общего блага». Поланьи напоминает нам, что никто из фашистских лидеров, включая Гитлера, не достиг власти без поддержки политических и экономических элит.

Конечно, фашизм 1930х годов не идентичен современной политической ситуации. Различие, на которое часто указывают комментаторы, заключается в том, что современные политики правового крыла часто открыто захватывают институты демократии. Однако необходимо отметить, что радикальная правая политика в новых демократиях, часто приводит к превращению этих режимов в «нелиберальные демократии» или даже «электоральные диктатуры». Более того политические беспорядки после недавних президентских выборов в США показывают, что в современной, по видимости стабильной, демократии можно бросить вызов даже такому основополагающему демократическому институту, как выборы.

> Фашизм в концепции Поланьи и современная политика правых

Разрабатывая диагноз усиления радикальной правой политики, Поланьи предлагает нам более внимательно «смотреть наверх», нежели вниз. Чтобы предотвратить победу крайне правого фланга политического спектра, мы должны разделить высшие и низшие классы и при этом объединить низшие и низший средний классы. Таким образом мы сможем предотвратить концентрацию ресурсов и информации, которые могут быть мобилизованы капиталистическими элитами для противодействия социально-защитной политике, продвигаемой прогрессивными правительствами, которые в межвоенный период усугубили тупиковые отношения между демократией и капитализмом и подготовили почву для фашистского решения проблем.

Как возможно разделить элиты высшего и среднего классов? В определенном смысле политики идентично-

сти размывают связь между принадлежностью к социальному классу и партийной идеологией. Эта перенастройка разделяет членов высших и средних классов, значительная часть которых переходит на прогрессивную сторону. Конечно, как и в случае «прогрессивных неолибералов», как их критично называет Нэнси Фрезер, существует опасность игнорирования классовых конфликтов и экономического неравенства. Однако нельзя не заметить, что проблемы политики идентичности привели многих членов высшего и среднего классов к членству в прогрессивных партиях.

Еще один способ деления элит предоставляет универсалистская социальная политика. Томас Пикетти убедительно показал, что неравенство в ресурсах больше, чем неравенство в доходах. Возможно многие молодые профессионалы, которые имеют высокие доходы, но страдают от нехватки ресурсов стабильности, захотят получить защиту от будущих потерь в доходах и от возможного снижения стоимости их профессионализма, благодаря технологическим и промышленным трансформациям. Прогрессивные партии могли бы продвигать универсалистские политики социальной защиты, которые приносят пользу не только низшим классам, но и профессионалам, принадлежащим к высшему среднему классу. Для высокодоходных и низкоресурсных профессионалов особенно привлекательна система социального страхования, привязанная к заработку, в сочетании с плоской эгалитарной системой распределения.

> Заключение

Когда мы интерпретируем правую политику как популистское социально-защитное движение мы «смотрим вниз», приписывая ответственность за такую политику жертвам неолиберальной глобализации. Анализ фашизма, предложенный Поланьи, заставляет нас «посмотреть наверх», на капиталистические элиты, чьи ресурсы и информационные возможности позволяют радикальным правым политикам захватить политическую власть. Поланьи напоминает нам, что, несмотря на всю свою популистскую риторику, правые политики поддерживали капиталистическую экономику. Если мы согласимся с диагнозом усиления фашизма, представленным Поланьи, как попытки элит защитить соморегулирующийся рынок, мы должны подумать о том, как расколоть капиталистические элиты, с одной стороны, и как содействовать единству низших классов, с другой. ■

Адрес для связи: <jimsanghun@khu.ac.kr>

> Что мы узнаем из рассказов преступников, совершивших убийство?

Мартин Эрнан Ди Марко, Университет Осло, Норвегия, член ИК МСА «Биография и общество» (ИК38)

Буэнос-Айрес. Тюрьма Сан-Мартин (маленькая фотографии) и Федеральная тюрьма Девото (большая фотография). Ист.: Martín Hernán Di Marco.

Убийства мужчин мужчинами (гомицид) исследовались в самых различных полях – в социальных науках и психологии, в литературе и кино, в исследованиях права. Ориан Биник отмечает, что привлекательность тематики насилия может быть проиллюстрирована большим набором научных и бытовых теорий, и это заставляет нас определиться в том, как мы относимся к этой теме. На мой взгляд, демонизация, мифологизация, медикализация насилия или презумция, что действия насильников являются иррациональными, препятствуют всестороннему анализу процессов, которые их обуславливают.

Основной парадокс заключается в том, что биографии и рассказы преступников сами по себе редко являются предметом изучения. Экстенсивные научные исследования расширили объем знаний о характеристиках насильственных смертей на микро-, мезо- и макроуровнях. Хотя эти исследования помогли выявить статистические

тренды и ключевые переменные (возраст, гендер, социально-экономический статус), они оставили без внимания всесторонний анализ нарративных процессов.

> Мировоззрение совершивших убийство: потребность в эмпирически обоснованном понимании

Один из основоположников антропологии насилия, Дэвид Ричес, отмечает, что термин «насилие» активно используется свидетелями и жертвами, и все же субъективные объяснения тех, кто совершает насилие, фактически не изучаются. Поскольку в этом поле большее внимание уделяется количественным данным, конкретные способы, с помощью которых преступники рационализируют и переживают насилие, менее изучены.

Что можно узнать, изучая перспективу обидчиков? Как

>>

их рассказы и жизни помогают понять убийство одного мужчины другим? Опираясь на традицию нарративной криминологии, в своем PhD проекте я анализирую нарративы обидчиков и значимость совершенных криминальных действий в их рассказах о жизни. По своему дизайну, этот проект избегает эссенциалистского анализа и стремится показать, что значения приписываемые практикам насилия являются исторически и культурно определенными для каждой социальной группы.

> Нарратив и биографический подход

Данные исследования – 72 нарративных интервью с мужчинами, совершившими убийства мужчин в большом Буэнос-Айресе в Аргентине. Критерием отбора было предъявленное обвинение мужчине в преднамеренном убийстве мужчины во время ссоры или межличностного спора. В фокусе интервью сюжеты и временные периоды, которые выбирали для рассказа сами информанты. Для анализа данных решающей была процедура брекетинга – вынесение за скобки личного опыта и убеждений исследователя. Полевая работа проводилась в федеральных и региональных тюрьмах, а также дома у мужчин, которые уже отбыли наказание за совершенные преступления.

Каждый участник исследования получил транскрипт проведенного с ним интервью; кроме того, совместно с участником исследователь писал короткую реконструкцию истории жизни. Затем последовали процедуры открытого и осевого кодирования. В данной статье я обращаю внимание на двух аспектах жизнеописания: на поворотных моментах биографического нарратива (определяемых как развилка жизненного пути) и на рационализации (объяснениях, придающих смысл событиям).

> Смерти от насилия: значения и рассказы

Изучение способов, с помощью которых убийцы осмысливают совершенный ими гомицид, оказалось интересной и плодотворной задачей. Мы выделили три основных аспекта презентации гомицида и означивания насилия и насильственной смерти.

Во-первых, физическое насилие описывается разнообразно и изменчиво. Насилие описывается как спонтанное, естественное, как логичный результат эмоционального состояния или ситуационной динамики. Оно представлено как необходимый инструмент, форма наказания, практика восстановления мужской чести и статуса; оно также описывалось как неумышленное действие или несчастный случай, вызванный социальными обстоятельствами. Насилие как практика и как ресурс представлено как поливалентное действие. Чтобы нейтрализовать или рационализировать его, мужчины минимизируют агентность, привлекают чувство сожаления и вписывают себя в определенные господствующие сценарии («У меня не было выбора», «Он напрашивался», «Я потерял контроль», «Это мое воспитание, не я»). Таким образом, насилие всегда как-то осмысливалось и, в конечном итоге, представлялось в качестве легитимного ресурса, к которому прибегали действующие лица.

Во-вторых, вопреки первоначальной гипотезе и доминирующим психологическим теориям, которые медиализируют насильственные действия, подчеркивая их «травматическую» природу, гомицид в основном не представлялся в качестве поворотного момента рассказа о жизни. Существенные трансформирующие моменты их рассказов о жизни составляли такие события, как исчезновение родителей, потеря работы во время экономического кризиса, разрыв любовных отношений, обретение друзей или разрыв отношений с ними. Эти события изменяли их «самость», способ восприятия себя и других. При этом само убийство редко представлено в этих нарративах как переломный момент жизни.

Тот факт, что тюремное заключение, а не убийство, описано как ключевое событие, связано с тем, какое значение этот институт сыграл в их жизни. Тюрьма описана как самая низшая точка падения, как возможность изменить и выстроить заново свой жизненный путь, как искупление и даже как событие, детерминированное обществом.

В-третьих, тюрьма, гомицид и предшествующие тяжелые события жизни в основном описываются как «уроки жизни». Преобладающие дискурсы интервью стремятся положительно оценивать болезненный опыт. Заключение, драки, утрата контактов с родственниками и друзьями декодируются как моменты созревания, личностного роста, субъективной трансформации и обретения силы. Насильственная смерть может представлять как инаугурация нового «я». В нарративах убийц такая рациональность глубоко связана с гегемонной маскулинностью, а также с дискурсами, циркулирующими в тюремном контексте (напр., психологическим, терапевтическим, религиозным и реабилитационным и инструментами социальной работы).

> Заключение

Социальные интеракционисты в течение многих десятилетий подчеркивали, что для понимания социальной реальности необходимо учитывать перспективу социальных акторов и избегать замещения ее заранее установленными научными категориями. Хотя существует достаточное количество научных теорий гомицида, которые почти все утверждают, что для преступника причинение смерти создает «травматический эффект», лишь эмпирические исследования смыслообразования могут помочь создать всестороннюю интерпретацию этого феномена. В научной среде и на уровне здравого смысла убийство считается экзистенциальным моментом жизни, иррациональным, ненормальным или безнравственным актом. Данные исследования показывают, что это совсем не так.

Пересмотр существующих данных, теорий и институциональных инструментов, которые приписывают насилию определенные значения, не опираясь при этом на эмпирические основания, – это перспективное направление исследований, которое нуждается в дальнейшей разработке. ■

Адрес для связи: <mh.dimarco@gmail.com>

> Платформенная работа по доставке в Бразилии

Бруна да Пенья и Ана Беатриз Буэно, Университет штата Рио де Жанейро (UERJ), Бразилия

Бразильские работники доставки в начале пандемии COVID-19.
Ист.: Marcelo Renda/[Pexels](#).

На основе первичных эмпирических данных и социологической рефлексии мы изучаем влияние пандемии на условия труда работников доставки в Бразилии. Мы также хотим проанализировать, насколько пандемия повлияла на их понимание социального неравенства. Наша первоначальная гипотеза заключается в том, что социальное неравенство (имманентное капитализму) не создается кризисом здоровья, но усугубляется им. Из этого следует, что пандемия может привести к ухудшению таких условий труда, как часы и оплата работы, риски здоровья и, в целом, углубляет противоречия, присущие конфликту между трудом и капиталом. В своем эмпирическом исследовании мы используем оригинальную базу данных; выборка вклю-

чает 100 бразильских работников доставки, использующих цифровые платформы. Данные были получены с помощью ответов на анкету, размещенную в *Google Forms*, разосланную по социальным сетям. В фокусе внимания были группы работников на юго-востоке, северо-востоке и в регионах среднего запада Бразилии. Ответы были получены между мартом и маем 2021 года и включают как количественные, так и качественные данные.

> Уберизация и конфликт труда и капитала

Мы совсем не считаем уберизацию труда абсолютной исторической новостью, и должны рассматривать эту

>>

тенденцию в рамках социальной материальности. Это означает, что уберизация не рассматривается нами как девиация капитализма или нечто несовместимое с тем, как воспроизводится капиталистическое накопление с самого начала своего зарождения. Работа через убер является вариантом социальных отношений, при которых осуществляется коммодификация рабочей силы, что объясняется предшествующей экспроприацией средств существования. Коммодификация – это социальное условие существования подчиненного труда при капитализме, независимо от конкретного правового статуса той или иной работы.

Хотя уберизация не является историческим новшеством, необходимо понять контуры этого феномена в современном контексте. В Бразилии восприятие неравенства в отношении между работниками по доставке и платформами, видимо, в основном основано на общности их повседневного опыта работы в городской среде. Несмотря на растущую фрагментацию трудового процесса, путешествия по городу и встреча с другими людьми и работниками придают смыслы этим отношениям.

Поскольку доставка строится на отношениях между людьми, в ней проявляются наиболее существенные характеристики человеческого труда: тот факт, что он является процессом опосредования реальности и развития intersubjective отношений. Этот аспект является крайне значимым для конструирования представлений о неравенстве и коллективных требований протестных движений. Ниже мы представим основные результаты проведенного эмпирического исследования.

> Анкета в Гугле

На вопрос о длительности рабочего дня работников доставки во время пандемии, ответы респондентов распределились следующим образом. 42% ответивших (наибольшее число) отметили, что они работали от 9 до 12 часов в день; 20% - работали по 8 часов в день; 13 или более часов посвящали работе 13%. На вопрос о протяженности рабочего времени до пандемии те респонденты, которые имели такой опыт (66 человека) ответили следующим образом. 39.3% опрошенных работали от 9 до 12 часов в день; 22.7% - 8 часов и 9% - 13 часов и более. Таким образом, наше предположение об увеличении часов работы во время пандемии подтвердилось.

Что касается ежемесячных заработков, то наибольшее число респондентов - 25% - сказала, что в среднем их заработок был ниже бразильской минимальной заработной платы (эквивалентной 1100 реалам во время опроса); чуть меньше – 23% респондентов сообщают, что их заработок составлял от 1100 до 1650 реалов. При этом перед пандемией вознаграждение 15,3% ответивших было ниже, чем минимальная оплата труда (1100 реалов). Большинство респондентов (около 37%)

сообщило, что до пандемии они зарабатывали от 2750 до 3300 реалов ежемесячно, а во время пандемии таковых было только 15%. Эти данные демонстрируют существенное падение ежемесячного вознаграждения во время пандемии, несмотря на то, что потребность в услугах и часы работы возросли.

Таким образом наши данные продемонстрировали выраженный рост доли респондентов, работающих 13 и более часов в день, и тех, кто зарабатывает меньше минимальной оплаты труда в месяц. Вознаграждение является решающим фактором субъективного восприятия неравенства платформенной работы, особенно если мы примем во внимание, что для почти 84% респондентов - это единственный источник дохода. Таким образом, мы видим, что в Бразилии эта работа не является дополнительным заработком, а является интегративной частью дохода.

Что касается требований, то 91% ответивших требуют роста оплаты труда. Следующими по значимости требованиями являются прекращение неоправданной блокировки, страховки от несчастных случаев, пособие на питание, большая автономия, охрана труда и подписанный контракт занятости. Менее 20% опрошенных отметило, что наличие формального контракта занятости является для них очень важным условием занятости. Объяснение такого распределения требований заключается в том, что в период мощного социального кризиса на передний план выступают наиболее выраженные аспекты неравенства. Монетарное измерение является воплощением социальных противоречий динамики этого труда.

В качестве причин, объясняющих поиски работы именно в сфере доставки, почти все респонденты отметили необходимость зарабатывать деньги. По своему социально-демографическому профилю выборка выглядит следующим образом: 98% опрошенных - мужчины, 54% называли себя коричневыми или черными; большинство относятся к молодым возрастным группам. Большинство респондентов (24%) относятся к возрастной группе 31-35 лет, следующими по численности были возрастные группы 21 - 25 лет (19%); 35-40 лет (18%) и 25-30 лет (17%). Такое распределение отражает в значительной степени тот факт, что молодые люди – это группа, наиболее страдающая от безработицы. 77% респондентов имело высшее образование. И, наконец, 33 респондента отметило, что они уже пострадали от несчастных случаев на работе, но только один из ответивших получил какую-то помощь от платформы. Эти данные показывают, что пандемия COVID-19 сделала более эксплицитными противоречия и неравенства, порожденные конфликтом труда и капитала, и усилила прекарность условий труда работников доставки в Бразилии. ■

Адреса для связи
<brunapmcoelho@gmail.com>,
<anabeatrizbuenoadv@gmail.com>